

ВИТАЛИЙ КРАСНЕР

СТРАННИКИ ПОНЕВОЛЕ

СИБИРСКИЙ
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ
РОМАН

Сибирский приключенческий роман

Виталий Краснер

Странники поневоле

«ВЕЧЕ»

2025

УДК 821.161.1-311.3
ББК 84(2Рос=Рус)

Краснер В. Д.

Странники поневоле / В. Д. Краснер — «ВЕЧЕ»,
2025 — (Сибирский приключенческий роман)

ISBN 978-5-4484-5741-8

Роман охватывает исторические события XX века. Незадолго до революции Василь Макиенко за поджог панской усадьбы осужден на каторгу в Забайкалье, а затем на поселение в Приамурье. С большим трудом к нему добираются жена и двое сыновей. Они крепко обосновываются на дальневосточной земле. В Гражданскую войну сыновья воюют за Советскую власть, но все равно попадают под раскулачивание. Настя – внучка Василя – сбегает, скрывая свое прошлое, но «органам» становится известно, что она дочь раскулаченных, и ей вновь приходится спасаться бегством. Виталий Краснер – член Союза писателей России. Издавался в хабаровских издательствах и литературном журнале «Дальний Восток».

УДК 821.161.1-311.3

ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-4484-5741-8

© Краснер В. Д., 2025

© ВЕЧЕ, 2025

Содержание

Часть 1	6
Часть 2	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Виталий Краснер
Странники поневоле

СИБИРСКИЙ
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ
РОМАН

Серия «Сибирский приключенческий роман»

© Краснер В.Д., 2025

© ООО «Издательство «Вече», 2025

Часть 1 Василь

1

Лето стояло сухое и знойное. Солнце, не успевшее остыть за ночь, по утрам вставало горячее и усталое. Оно медленно поднималось из-за горизонта, предвещая жаркий, погожий день.

В большом доме Макиенков в это раннее утро первыми, как всегда, поднялись женщины и дед Василь. Он встал, оделся и потихоньку вышел во двор подышать пока еще свежим утренним воздухом, напоенным ароматом степных трав и тайги.

Село стояло на опушке леса, раскинувшись крестьянскими усадьбами вокруг семи небольших озер, оттого и получило свое название – Семиозерки. С одной стороны к нему подступал густой темный лес, с другой протянулась бескрайняя приамурская степь. Дом Макиенков стоял на краю села со степной стороны на самой кромке балки и обдувался всеми ветрами, особенно в студеные дальневосточные зимы. В это время деду Василию было особенно тоскливо и грустно то ли от неожиданно навалившейся старости, то ли от того, что прожил он почти всю жизнь вдали от родной земли. Где-то в глубине души он всегда мечтал хоть одним глазком увидеть легкое дрожащее марево украинской степи, почувствовать пьянящий аромат степного разнотравья. И только весной, когда солнце начинало в полную силу прогревать остывшую землю, когда приамурская степь дышала запахами оттаявшей земли, когда все отогревалось, оживало и зацветало, дед Василь приободрялся, озабоченный весенними хлопотами.

До этого жил Василь Макиенко на Херсонщине, в небольшом украинском селе. В старой мазанке – её поставил еще отец Василя, когда женился, ютились вчетвером: отец, мать, Василь и сестра Ганка. Жили бедно. Отец и мать всю жизнь батрачили на помещика, а потом и Василь стал гнуть спину на чужих полях, мечтая о своем, хотя бы маленьком клочке земли, где он был сам себе хозяин.

Вскоре все его мечты были прерваны. Как исполнился ему двадцать один год, попал он под указ о всеобщей воинской повинности, введенный в России в 1874 году. Половина его сверстников, по жребию, попала в ополчение, а Василию выпало служить в постоянных войсках. Шесть лет ему внушали, что защита престола и отечества есть священная обязанность каждого российского подданного. Но, слава богу, что за эти годы не пришлось ему ни с кем воевать, и вернулся Василь домой целым и невредимым. А пока служил он царю и отечеству, его мать, надорвавшись непосильной работой на панском скотном дворе, заболела и, не вставая, вскоре умерла. Сестра Ганка вышла замуж и ушла жить в дом к мужу.

Вернувшись со службы, зажил Василь с отцом вдвоем. Вот тогда и задумал он жениться. Дивчину присмотрел сразу, как пришел домой. Полюбилась ему первая красавица на селе – голубоглазая певунья Марийка Кавун. Всю зиму бегал Василь на посиделки, где запевалой была его ненаглядная Марийка. А как поняли они, что и дня прожить друг без друга не смогут, решили пожениться. Только знал Василь, что не отдаст Ярко Кавун свою дочь за бедного парубка. Жили Кавуны небогато, но и не бедствовали, хоть работали тоже на панских полях, но имели и свое небольшое хозяйство. У Василя же, кроме своих рук да старой мазанки с малюсенькими оконцами, ничего не было. Зато была у Василя с Марийкой любовь. Была Марийка

единственной и любимой дочерью у Кавунов, поэтому Ярکو никогда не перечил ей, видя, как она дает отступного всем женихам, которые сватались к ней наперебой.

Когда рассказал Василь своему отцу, что задумал жениться на Марийке, вздохнул старый Макиенко и ничего не ответил, а сын нетерпеливо теребил его:

- Батько, ну, что ты вздыхаешь? Засылай сватов.
- Сватов-то послать нетрудно, а как откажет Кавун, что делать будешь?
- Не откажет, батько, мы же любим друг друга.
- А может, у Кавуна кто-то другой есть на примете?
- Но у Марийки-то никого другого нет! Она и не пойдет за другого.

Усмехнулся старый Макиенко.

– А может, он ее и спрашивать не будет? Не ровня мы ему, сам видишь, как мы живем – ни кола ни двора, одна мазанка старая да огородик небольшой. Так за всю жизнь и не сумел я построить новую хату. Прости меня, сын, моя вина. – Макиенко тяжело вздохнул и замолчал.

– Батько, не убивайся, вот женюсь, пойду к пану, упаду к нему в ноги и попрошу ссуду. Построю новый дом, большой, светлый... и земля своя будет.

– Э-э, сынку, я всю жизнь мечтал об этом, но так ничего и не сумел сделать. Ну ладно, зашлем сватов к Кавунам. Думаю, не откажет, ведь когда-то мы с ним в молодости вместе против турок ходили.

Крепко задумался Ярко Кавун, когда заявили к нему сваты от Макиенков. Он уже давно знал, что дочь встречается с Василем, но всерьез не воспринимал это. И старого Макиенка знал он с молодых лет, знал и то, что Василь работающий парень, но вот бедность его смущала. Не хотел Ярко отдавать дочь в старую хату Макиенков, поставил условие Василю, что благословит их, если после свадьбы жить молодые будут у Кавунов. Не думал Василь, что так получится, но другого выхода не было, согласился, лишь бы быть вместе с Марийкой.

Свадьбу Кавун справил знатную, и зажил с тех пор Василь в доме у тестя, успевая работать и на панском поле, и у Кавуна в хозяйстве. Зато Марийка теперь всегда была с ним. Вскоре родились у них два сына-погодка, старшего назвали Никиткой, а младшего Матвеем. Когда Марийка, что-то напевая, укладывала их спать, Василь смотрел на неё и думал, что впереди у них лежит такая же тихая, простая и добрая жизнь, как эта старинная песня. Но неожиданно все оборвалось...

Однажды перед Пасхой взяли несколько молодых из села в панскую усадьбу, убирать и готовить ее к празднику. Весело напевая, подоткнув широкие юбки за пояс, молодницы мыли, чистили все в доме так, что в промытые стекла больших окон заглянуло весеннее солнышко и заиграло, заплясало на свежевыскобленных полах.

Оживленно перемигиваясь, девушки поглядывали на молодого пана-офицера, приехавшего погостить в отчий дом. Но он, не обращая на них внимания, сверкая блеском погон и начищенными до глянца сапогами, постоянно крутился возле Марийки. Сначала он пытался просто заигрывать с ней, потом, начал потихоньку лапать ее руками, но Марийка со смехом увертывалась от него и просила паныча не мешать ей работать. Это еще больше распяляло его, и он уже не отставал от нее до самого вечера. Сказав, что срочно надо убрать его комнату, он заманил туда Марийку и стал уговаривать полюбить его, при этом помогая себе руками. В ужасе Марийка поняла, что хочет от нее паныч. Заметалась, как птица в клетке, умоляя отпустить ее, ведь у нее есть муж и дети. Но, видно, крепко ударили в голову молодому офицеру хмель выпитого вина и хмель желаний. Бросив ее на кровать и изорвав на ней платье, он силой добился того, что хотел, и только после этого отпустил ее.

Со слезами, в разорванной в клочья одежде выбежала Марийка из ворот панской усадьбы и сразу же увидела своего Василя. Помутилось у нее сознание, потемнело в глазах, и упала она без чувств. Подхватил Василь жену на руки и понес домой. Всю дорогу он в отчаянии

разговаривал с Богом и спрашивал у того – за что ему такое наказание, чем он прогневал Всевышнего.

Внес Василь Марийку в дом, положил на кровать. Старая Кавуниха кинулась к дочери, приводя ее в чувство. Мальчишки испуганно стояли и смотрели на мать, ничего не понимая, но чувствуя, что случилось что-то ужасное. А Василь вдруг понял, что не слышит его Бог и не пошлет кару небесную на голову насильника, только он сам должен отомстить за надругательство над женой. Кинулся Василь из дома, побежал к панской усадьбе. Да только и сумел заскочить во двор, а дальше не успел и шагу ступить, потому что старый пан, спустив собак и дворню, натравил их на Василя. Собаки порвали на нем всю одежду, а слуги, накинувшись скопом, избили и выбросили за ворота. Долго в ту ночь Василь катался по земле и выл, как побитый пес. Одно только могло успокоить его – месть.

Старый Кавун, узнав, что паныч сотворил с его дочерью, тоже поклялся отомстить, чего бы это ему ни стоило. Остаток ночи просидели они с Василем в баньке, пили горилку с горя и вынашивали план расплаты с паном.

На следующий день Ярко заколол маленького кабанчика. Долго варил какое-то зелье, потом положил в него куски мяса и проварил его в этом настое. Марийка весь день лежала в постели и металась в горячке. Василь ни на минуту не отходил от нее. Глядя на жену, еще вчера такую красивую, веселую и жизнерадостную, а теперь жалкую и беспомощную, с глубоко ввалившимися глазами на похудевшем за ночь лице, он весь закипал гневом и с нетерпением ждал наступления ночи, чтобы осуществить то, что задумали они с тестем.

Старая Кавуниха весь день одна управлялась по хозяйству и со страхом поглядывала на мужа. Она видела, что он задумал что-то страшное, но не вмешивалась. Прожив всю жизнь со своим Ярко, она знала, что, если тот что-то задумал, значит, так надо и лучше ему не мешать. Но на душе у старухи было тревожно.

Поздно ночью Кавун с Василем, взяв мясо, сваренное в зелье, ушли из дома. Заныло сердце у Кавунихи, чувствовала она худое, а тут Марийка очнулась, села на кровати.

– Мамо, где Василь с батьком?

– Успокойся, донечка, скоро придут. На, выпей еще травки. – Она поднесла Марийке чашку с настоем.

Попив, Марийка снова откинулась на подушки и заснула, а Кавуниха все ходила по дому, поглядывая в окна и прислушиваясь к каждому шороху. Где-то на селе забрехали собаки, потом успокоились, и опять наступила тишина. Ни звука не доносилось из ночной темноты.

А Кавун с Василем в это время с двух сторон подошли к панской усадьбе, позволив собакам кинуться к ним. Стоя за изгородью, они кидали им куски мяса, сдобренные сон-травой. Вскоре собаки успокоились, перестали лаять и заснули. Подождав еще немного, пока сон сморит и сторожей, Кавун с Василем пробрались во двор и, потихоньку подперев бревном входную дверь, стали большими охапками таскать сено из стога, стоявшего на хозяйском дворе возле конюшни. Обложив дом со всех сторон сеном, больше всего навалив его на крыльцо и под окна, они зашли с двух сторон и одновременно подожгли сено. Когда огонь, потрескивая, пополз красными языками по соломе, оба кинулись со двора. Уже подбегая к своему дому, они увидели, как огненным сполохом вспыхнул панский дом. Залаяли собаки во дворах, стали выбегать люди, но было уже поздно. Дом горел, как яркий факел, и потушить его было невозможно...

Наутро приехал исправник с полицейскими. Долго искать поджигателей не пришлось. Все село знало, что учинил паныч с Марийкой, да Кавун с Василем и не отпирались. Как пришли их забирать, заголосили Кавуниха с Марийкой, да так, что мальчишки, не выдержав, тоже заревели в голос. Поморщившись, исправник махнул полицейским: «Выводи!» Вышел из дому и сел в тарантас, готовясь уезжать. Обмерла Марийка, упала посреди хаты, а Кавуниха кинулась

к исправнику, стала целовать его пыльные сапоги, умоляла не увозить мужа и зятя. Брезгливо дернув ногой, исправник бросил ей в лицо:

– Дома по ночам надо было мужа держать, а теперь выходит, они оба злодеи и убийцы. Так что плачет по ним долгая каторга.

– Так за Марийку же они это сделали. Вы же знаете, что сотворил с ней паньч.

– Ну и радовалась бы, что понравилась пану, так она еще и мужу пожаловалась, на преступление толкнула его, – цинично сказал исправник и хохотнул. – Вот баба дурная, счастья своего не поняла. Поехали!

Он ткнул кулаком солдата, сидящего на козлах, а тот полосонул кнутом по спинам лошадей так, что тарантас резко дернулся с места и Кавуниха, не удержавшись, упала лицом в дорожную пыль. Следом за ними тронулась подвода, в которую посадили старого Кавуна с Василем, связав им руки, как злодеям. Четверо конных полицейских с шашками наголо поехали следом.

Когда стих топот копыт и улеглась пыль, поднялась Кавуниха с земли и, сопровождаемая сочувствующими взглядами односельчан, побрела в дом. Марийка лежала посреди комнаты, а мальчишки сидели рядом и плакали в два голоса. Кавуниха принесла ковшик воды, брызнула Марийке в лицо. Та, очнувшись, посмотрела долгим взглядом вокруг, приподнялась, встала и медленно прошла за занавеску на свою половину. Упав на кровать, она тихо завывала, запричитала. Кавуниха, обняв внуков, уселась на лавку и задумалась тяжелой долгой думой. Никитка с Матюшей сидели тихо, прижавшись к бабушке. Они не видели ночного пожара и в свои восемь-девять лет не понимали, почему солдаты, связав руки отцу и деду, увезли их куда-то.

– Баб, – допытывался Никитка, – а куда татка с дидом поихали? Они скоро вернуться?

Старая Кавуниха только вздыхала молча. Она сама не знала, что теперь будет с ее мужем и зятем. Что ждет их? Как прожить-то без мужиков? Засудят ведь их теперь.

Подождав день-другой, Марийка поехала в город, узнать, что с отцом и мужем. Тюрьму она нашла быстро, всем было известно в городе это мрачное здание, а вот узнать что-либо о своих мужиках удалось не сразу. Оказалось, что тюрьма переполнена арестованными, ждущими суда, и таких, как она, пытающихся узнать что-нибудь о своих близких, было много. Записавшись на очередь к следователю, она три дня ждала, пока наконец-то попала на прием. Но ничего утешительного не узнала. Следователь сказал, что суд состоится не раньше чем через месяц.

Вернувшись домой, Марийка старалась работой заглушить душевную боль. Кое-как дождалась, чтобы через месяц снова поехать в город, надеясь хоть что-нибудь узнать и увидеться с Василем. Но оказалось, что суд уже состоялся, и отца с мужем отправили по этапу куда-то в Сибирь. А присудили им обоим по пятнадцать лет: из них по пять лет каторжных работ и по десять лет ссылки.

Вся почерневшая от горя, сгорбленная, как старушка, вышла Марийка из тюрьмы и тихо побрела через город на тракт, что вел в ее село. Пройдя немного, она не услышала, как ее догнала подвода и только окрик: «Эй, тетка, далече идешь?» – остановил ее.

– Домой, дядько Панас, – ответила Марийка, узнав соседа.

Приглядевшись, Панас еле узнал ее.

– Марийка, ты ли это? – удивленно произнес он. – Что, плохие вести о Василе и батьке? – Марийка молча кивнула. – Ну, садись на подводу, вместе и доедем.

Сперва ехали молча. Марийка сидела, погруженная в свои горестные думы. Дядька Панас, не выдержав, спросил ее:

– Ну, что тебе сказали про батьку с Василем?

– Угнали их, дядько, угнали по этапу, – еле выговорила Марийка и расплакалась.

– Надолго их... это самое... осудили?

– Надолго, дядько Панас, ой, надолго, – сквозь слезы проговорила Марийка. – По пятнадцать лет им дали. Ой, не увижу я больше ни своего Василя, ни батька! Ой, горе мне, горе! Как жить-то теперь, дядько Панас? – Она разрыдалась еще сильнее.

– Да-а, – протянул Панас. – Тяжко тебе будет с двумя детишками.

– Как я без Василя буду? – Она подняла на него свои заплаканные глаза.

– Крепись, Марийка, надо жить хотя бы ради детишек своих. Ты должна поднять их. – Панас замолчал надолго. Он понимал, как тяжело будет одной без мужа вырастить двоих детей. Сколько таких вдов с детишками маются на селе, а пятнадцать лет сроку – это уже почти вдова. Но он не стал ничего говорить ей, а только, когда приехали в село, сказал: – Крепись, Марийка, ты еще молодая, дождешься своего Василя. А он вернется и посмотрит, каких ты сыночек вырастила. Ты только жди его, он вернется. Ну а если что, тяжело будет, то приходи, я подмогну всегда.

Попрощавшись с дядькой Панасом, Марийка поблагодарила его за то, что подвез до села, да за доброе слово. Когда она вошла в дом, то увидела три пары глаз, напряженно с надеждой смотревших на нее. Мать все поняла без слов и заплакала.

– Слезами горю не поможешь, – вздохнула Марийка. – Надо жить, растить детей и ждать Василя с батькой...

2

Пока шли этапом по украинским землям, еще не так тяжело было на душе у Василя. Не было еще чувства оторванности от дома и той бескрайней тоски, от которой хотелось выть по-волчьи. Вдоль дорог, по которым гнали осужденных, тянулись села и хутора, с такими же белыми хатками-мазанками, крытыми соломой, что и у них. В города этап не заводили, потому что все арестанты шли в цепях, и вся эта масса людей гремела и бряцала железом, задолго предупреждая о своем появлении. Хоть и числились все они злодеями, ворами и убийцами, но народ в селах выходил к дороге, чтобы подать этапникам то каравай хлеба, то шмат сала или еще чего-нибудь съестного. Охрана не припятствовала этому, потому что тех нескольких копеек в день, что выдавалось на каждого арестанта, на пропитание не хватало, и многие, обессилев от голода, еле передвигали ноги.

Василь видел, что ему, молодому, намного легче, чем тестю, и как мог помогал старому Кавуну. Так и дошли они до «железки», где им на время сняли кандалы, чтобы сводить в баню, а потом опять заковали и, посадив в арестантский вагон, повезли в Сибирь. И вот тут, глядя на унылый пейзаж за узким зарешеченным окошком арестантского вагона, Василь загрустил, затосковал, чувствуя, как с каждым перестуком колес на стыках рельс он все дальше и дальше удаляется от родной земли, от Марийки с детишками.

Всю дорогу Василя мучил вопрос – правильно ли он поступил, взяв грех на душу, пойдя на убийство? Но, вспомнив, что сотворил панский сынок с его женой, гнал прочь все сомнения. Он еще не знал, что его небольшой бунт был маленькой искоркой в том пожаре крестьянских выступлений против помещиков, развернувшихся на Украине весной и летом 1903 года, когда крестьяне, доведенные до отчаяния нищетой, захватывали помещичьи земли, поджигали имения, забирали скот и хлеб. В этих волнениях приняли участие свыше ста пятидесяти тысяч крестьян, и только с помощью войск удалось их подавить.

Когда прибыли в Иркутск, оказалось, что предстояло Василию с Кавуном отбывать каторгу не в Сибири, а еще дальше, где-то в Забайкалье. И повезли их в такую даль, в такие неведомые земли, о которых Василь сроду не слыхивал.

Старый Кавун совсем сник, услышав, что повезут еще дальше. Он знал, что вряд ли вернется из ссылки, годы не те. А Василь, понимая, что пятнадцать лет – срок немалый, все равно надеялся, что когда-нибудь вернется домой. Его больше беспокоило, как там Марийка проживет эти годы, как одна поднимет двух сыновей. Выдержит ли? Кто побережет ее теперь? За этими думами он забывал о себе. Василию было все равно, куда его повезут и где ему предстоит отрабатывать каторгу. В свои тридцать восемь лет, полный здоровья и сил, он был уверен, что выдержит любые тяготы каторжного пути и дождетя того дня, когда поедет по этой же дороге назад, к Марийке и детям.

Вот острог. Очутившись в замкнутом пространстве, огороженном высоким частоколом, Кавун совсем опечалился, и уже ничто не могло оживить в нем боевой дух запорожского казака, гулявшего в молодости по днепровским плавням, любившего простор украинских степей.

Пока устраивались на новом месте, вернулись с работы жильцы барака. Молча скидывали мокрую одежду и устало валились на лежаки. Немного отдышавшись и съев свой скудный ужин, один из них, уже немолодой каторжанин, спросил Василя с Кавуном:

– Откуда будете?

– З Украины мы.

– Эк как вас занесло, – вздохнул каторжанин.

Подтянулись другие обитатели барака.

– Как там, на воле-то? – Десятки глаз уставились на Василя с Кавуном.

– На воле хорошо.

– А за что же вас сюда загнали, если там хорошо?

– Да панскую усадьбу сжег вместе с паном.

– За что же ты их так?

– За жену.

Все замолчали. Было видно, что от усталости никому не хотелось и разговаривать.

– Ну а здесь как? – осторожно спросил Василь. – Жить-то можно?

– Жить? – Каторжанин усмехнулся. – Да мы здесь хуже скотов. Завтра увидишь, как получишь кайло да тачку. Сейчас, пока лето, еще ничего, одежа-то за ночь успевает просохнуть, а вот зимой... Там, – он показал пальцем куда-то вниз, – там течет отовсюду – и под ногами хлюпает, и со стен течет, и сверху на тебя капает. В штольне никуда не спрячешься. Вот я и говорю, что сейчас еще ничего, а зимой плохо: одежда не успевает за ночь просохнуть, постоянно в сырой и ходишь. Увидишь, как за зиму половина барака передохнет.

– А что, больных не лечат?

– Какое там лечение, – махнул он рукой. – Нам положено четыре копейки в день на питание, так начальство по две копейки забирает, якобы на лечение. А толком ни еды, ни лечения нет. Да ты не дрейфь, паря. – Каторжанин хлопнул оробевшего Василя по плечу. – Если первую зиму продержишься, не помрешь, то дальше легче будет.

Потянулись длинные дни, похожие один на другой. Каждый день каторжан выводили на работу на серебряные рудники, где они, спускаясь в забой, работали с утра до вечера, делая лишь небольшой перерыв на обед, который доставляли им прямо в штольни.

Кое-как прожили лето, потом слякотную осень, а зимой старый Кавун заболел. Сырая одежда, крепкие забайкальские морозы с пронизывающими ветрами, от которых деревянный острог промерзал насквозь, быстро дали о себе знать. Каторжане болели и умирали один за другим. Кавун долго крепился, не поддаваясь болезни. Он знал, что если свалится, то уже не встанет. Постоянный кашель и болезнь ослабили его так, что последние дни он ходил, шатаясь, как пьяный. Пришел день, когда Кавун утром не смог подняться с топчана и тогда он понял, что это конец. Вечером, дождавшись Василя, он, откашлявшись, сказал ему:

– Ну вот и все, Василь, отгулял я, отходил по земле.

– Да ты что, батько, это только простуда. Отлежишься немного и встанешь, – пытался возразить ему Василь, но Кавун остановил его.

– Подожди, не перебивай, слушай, о чем попрошу тебя. Если удастся передать весточку домой, то напиши, что я всегда помнил о них, и пусть они простят нас за то, что оставили их одних. – Кавун помолчал немного, хрипло дыша, потом попросил: – А ты, Василь, дотерпи как-нибудь, доживи, ты еще молодой. Как на поселение выйдешь, там полегче будет. Ну, прощай, а я свое отжил. Так не хочется ложиться в чужую промерзлую землю. – Он устало замолк и, кажется, уснул.

Утром, когда Василь подошел к нему, старый Кавун был уже мертв.

Тяжело пережил Василь первую зиму на каторге. Издевательства надзирателей и осторожного начальства доводили каторжан до отчаяния. За любую провинность наказывали если не поркой шомполами или розгами, то морили голодом в карцере по несколько дней. Многие, не выдержав, пытались покончить с жизнью, ища спасения в смерти. Случалось, и Василя наказывали за непокорный нрав, но он всегда помнил, что должен «дожить, дотерпеть», как наказывал ему старый Кавун, ради Марийки и сыновей, которые ждут его и тоже надеются, что он когда-нибудь вернется домой. Это сдерживало его в минуты отчаяния и давало силы преодолеть все невзгоды и унижения каторжной жизни.

Долго тянулись дни первой зимы в неволе. Все устали от жгучих забайкальских ветров и морозов. Хотелось тепла и солнца. Когда же отшумели последние сырые весенние ветры, выглянуло солнце и только-только пригрело землю, каторжане уже не торопились в душные, отсыревшие за зиму бараки, куда солнце и летом не попадало из-за маленьких узких окошек под самым потолком. Дни стали длиннее, и теперь все после работ сидели во дворе, грелись под весенними солнечными лучами.

На Пасху на работу не погнали. «Христос воскрес! Дождались райского денечка!» – слышалось отовсюду. А Василь загрустил, затосковал пуще прежнего. Прошел всего лишь год, как он на каторге, а сколько еще таких лет впереди? Не хотелось и думать об этом. Он с жалостью смотрел на вновь прибывающих осужденных, которым еще только предстояло обживаться, привыкать к острожной жизни, к ее законам и порядкам. А за зиму пригнали столько каторжан, что в ранее просторных бараках теперь стало тесно так, что и повернуться негде. Особенно много ссыльных было из Украины. Так расправились с бунтарями девятьсот третьего года.

С наступлением тепла пришел указ строить новый острог. В помощь вольным плотникам отобрали несколько ссыльных, в их число попал и Василь. Его уже не водили на рудник, а каждый день под конвоем выводили из острога на стройку. Работа на свежем воздухе, под солнцем – это, конечно, не в штольне, да и кормежка у артельных плотников не та, что у каторжан. Василь окреп, загорел, вновь захотелось жить и дожидаться возвращения домой. А еще научился Василь рубить дома, даже не думая, что когда-то ему это пригодится.

Лето пролетело быстро, надо было готовиться к новой зиме. Василь уже по своему опыту, да и другие каторжане научили, приготовил к зиме сменную одежду, обувь. Плотники, закончив работу, разошлись по своим деревням, а ссыльных опять стали гонять на рудник.

Для Василя вторая зима прошла легче и даже, как ему показалось, быстрее. Одно только мучило его: запрет на переписку – он не мог подать весточку о себе и не знал, что творится дома.

К концу лета девятьсот шестого года пришел новый указ о дополнительном строительстве острогов. По России прокатилась волна крупных восстаний, и теперь потоком пошли в Забайкалье эшелоны с осужденными на каторгу. Василя и других каторжан вновь направили в помощь к вольным плотникам. До зимы надо было срочно выстроить новый острог. Василь, довольный тем, что хоть на какое-то время будет избавлен от работы в сырых штольнях и может целые дни дышать свежим воздухом, старался постигать все тонкости плотницкого мастерства.

Старший артели, помнивший Василя по прошлой стройке, видел, как тот хватается за любую работу и как ловко уже научился работать топором и другими инструментами.

– Эх, Василь, – говорил он, – был бы ты вольный, взял бы я тебя в свою артель.

Начальство торопило, форсируя стройку, и к заморозкам строительство острога было закончено. Опять сменил Василь топор на кайло и лопату, опять утомительно потянулись сырые, промозглые дни и ночи. Правда, иногда выпадали и светлые дни: острожному начальству требовалось что-то соорудить по плотницкому делу, и тогда Василя не водили в штольни, а под конвоем отправляли поработать на свежем воздухе. Он всегда в душе благодарил старшего артели плотников за то, что тот, уезжая, порекомендовал начальству Василя как хорошего мастерового по дереву. А Василь за время работы в артели научился не только венцы класть и дом резьбой украсить, но уже мог и мебель кое-какую соорудить.

3

Отшумели забайкальские ветры, унося пять лет каторжной жизни Василя. Много событий произошло в стране за это время. Закончилась Русско-японская война, временно прекратившая всяческое переселение на Дальний Восток. Прошла первая революция девятьсот пятого года, добавившая каторжан и заставившая правительство пересмотреть свою переселенческую политику. Теперь уже нельзя было не считаться с необходимостью заселения окраин России. Основную массу переселенцев на Дальний Восток в это время составляла обнищавшая крестьянская беднота из украинских губерний и центра России, а также ссыльнопоселенцы, отбывшие свой срок наказания в тюрьме или на каторге: через некоторое время они переводились в разряд вольных поселенцев и имели возможность приписываться к крестьянским общинам. Семейные получали право на земельный надел. Так и Василь был отправлен на поселение. А выслали его еще дальше от дома, к великой Амур-реке.

Поселившись в предписанном ему селе возле семи озер и получив разрешение на переписку, отправил Василь письмо жене и детям. Сперва написал о смерти тестя, потом подробно описал, где и как он устроился. Долго, целых пять лет он ждал, когда с него снимут кандалы и разрешат написать письмо жене, но еще дольше и нетерпимей оказалось ждать ответа. Хоть и ходили уже через всю Россию поезда, но все равно очень долго шло письмо на родную Украину.

Поставили его на постой к одному зажиточному крестьянину – Пантелею Баркову. Соскучившись на каторге по крестьянскому труду, знакомому ему с детства, Василь с утра до вечера помогал хозяину. Хватался за любую работу, ухаживал за скотиной, трудился в поле. Хоть и поднадзорным без права выезда из этой деревни, Василь все равно почувствовал себя почти свободным человеком.

Баркову нравился работающий, спокойный постоялец. Да и зельем хмельным не увлекался. Зато до работы жадный, видно, что истосковался по земле. А когда Барков взялся строить новый амбар, то удивился, как ловко Василь орудует топором, со знанием дела кладет венцы, рубит углы, подгоняя бревна один к одному без остатка и без щелей.

– Где это ты так наострился бревна класть? – подивился он.

– На каторге, в Забайкалье. Новый острог помогал строить. – Василь ненадолго задумался, вспомнив, как постигал плотницкую науку. – Вот уж не думал, что когда-нибудь пригодится.

Пантелей, наблюдая за своим постояльцем, постоянно думал, как этот серьезный, непьющий, работающий человек мог попасть на каторгу, да еще с таким большим сроком. Что же он мог такое совершить? И не вор ведь – Барков несколько раз проверял Василя, оставляя мелкие

деньги то на столе, то еще где-нибудь. Неужели убил кого? Как-то, не выдержав, Пантелей все-таки спросил Василя, за что тот попал на каторгу:

– Убил кого грешным делом или как? За что такой большой срок получил? – Василь молча кивнул. – Что, и вправду убил кого? – уже с испугом спросил Барков.

– Да, пана убил со всем семейством. Сжег вместе с домом.

– Вон оно что! – протянул Пантелей и перекрестился. – За что же ты их порешил, всех-то?

– За что? – Василь задумался. Он вспомнил мать, рано умершую от непосильной работы, вспомнил, как они с отцом, трудясь от зари до зари, жили в нищете, вспомнил Марийку, над которой панский сынок совершил надругательство. Вспомнил и все это рассказал Баркову.

Пантелей слушал молча, дымил самосадам и, только когда Василь рассказал о жене, не выдержал и тихо выругался:

– Вот сволочь, да я за жену, наверное, сделал бы то же самое, – поддержал он Василя. Дослушав до конца его рассказ, спросил: – А детишки есть?

– Двое, мальчишки-погодки. Большие уже, по тринадцать-четырнадцать лет.

– Да-а, тяжело им одним-то. Долго еще ждать тебя.

Вздохнули мужики, свернули еще до одной сигарке, задымили. Неожиданно Пантелей предложил:

– Слухай, Василь, а ты бы вызвал их сюда. Ведь десять лет еще ждать-то, это немало. Детишки повырастут, может, и поженятся уже, пока ты вернешься. Весточку-то подал о себе?

– Да, отправил письмо сразу, как прибыл сюда. Ответа жду.

– А ты не жди, напиши еще одно. Позови их сюда. Только сходи к старосте и поговори с ним сначала. Может, бумагу какую надо для этого. А приедет жена с детишками, получишь землю, дом построишь, хозяйством обзаведешься. Я вижу, ты мужик работающий, не пропадете здесь. А там что тебя ждет? Опять работа на пана и вечная нищета. Я ведь тоже сюда когда-то приехал по найму, из-за бедности, а вот, видишь, и хозяин уже. Кое-что свое имею. Да в этих краях только ленивый или пьяница плохо жить будет, здесь же все есть, все растет. А леса какие! Чего в них только нет! Да что я тебе рассказываю, ты уже сам видел. Так что давай, не тяни время, иди к старосте и узнай, как это можно сделать. Он мужик хороший, с понятием, что-нибудь да посоветует и поможет, если надо будет. А как узнаешь все, садись и пиши новое письмо, вызывай их сюда, – убеждал Пантелей, видя, что Василь никак не может ответить ему, а только растерянно слушает.

А Василь и вправду растерялся. Если он вызовет сюда Марийку с детьми, то он ведь никогда не вернется на родину, а ему в последнее время так часто снится Украина, особенно поля золотистых подсолнухов и беленькие хатки. Хотя Барков прав. Что его там ждет? Опять бедность, нищета, а здесь он осуществит свою давнюю мечту – построит свой дом, тем более что он теперь сам может это сделать.

– Сейчас ведь как «железку» построили, очень просто приехать, не то что мы добирались на перекладных год-два, – уговаривал Пантелей. – Сейчас купил билет, садись в вагон и езжай, паровоз довезет, только харчем запасись побольше.

Задумался Василь. А что он теряет от того, что семья переедет к нему? Во-первых, не надо ждать оставшиеся целых десять лет. Марийка и дети будут все это время с ним. А там срок кончится – можно и уехать. А может быть, как Пантелей, остаться здесь навсегда. Жить здесь можно. Земля хорошая, плодородная. Приамурские степи чем-то похожи на украинские, что у них на Херсонщине. Зато леса какие дремучие! Когда Василя везли сюда, он прямо залюбовался тайгой. Он с Пантелеем уже ходил и за грибами, и за ягодами. А зверья здесь сколько! Со временем можно будет и ружье купить, охотой заняться. «А как дом построю, – размечтался Василь, – скотину свою заведу, пастбища вон какие, травы по пояс». Нет, все-таки Пантелей прав, здесь он со временем станет хозяином, а там он так и останется батраком до самой смерти.

Убедив самого себя, Василь, чтобы не терять даром времени, решил в тот же вечер сходить к старосте Прову Емельяновичу Дорохову и поговорить с ним об этом. Пров Емельянович жил в большом рубленом доме под высокой крышей с резными карнизами, причелинами и большими окнами с наличниками и ставнями, также украшенными ажурной резьбой. Василь, проходя мимо, всегда заглядывался на дом старосты и мечтал, что когда-нибудь и он построит себе дом и украсит его так, что любо-дорого взглянуть...

Подойдя к дому, Василь постучал в ворота. Вышел Дорохов. Василь, сняв шапку, поздоровался со старостой.

– Ну, здорово. – Он оглядел Василя, потом пропустил его во двор. – Проходи, коль пришел. И что же ты хотел?

– Решил я, Пров Емельянович, обосноваться здесь навсегда.

– Ну, об этом тебе еще рано думать. У тебя десять лет впереди, раздумаешь еще за это время, – усмехнулся Дорохов.

– Да нет, Пров Емельянович, не раздумаю. Решил я с семьей здесь жить. – Неужто жениться надумал? – удивился староста.

– Почему жениться? У меня есть жена, перед Богом венчанная, детишек двое. Хочу вызвать их сюда. Что мне одному здесь куковать.

– Думаешь, приедут?

Василь пожал плечами.

– Думаю, что да. Хочу написать, чтобы все продавали и ехали сюда. По «железке» доберутся как-нибудь. Вот только где-то жить надо. Если бы свой дом построить да надел земельный получить, я бы хозяйство завел.

– Да, Василий, хорошее дело ты задумал, но ведь тебе ссуду вряд ли дадут, ты же ссыльный, а не переселенец.

– Вот я и пришел к вам, Пров Емельянович, по этому делу. Прошу вас, будьте моим поручителем.

Дорохов задумался. Сложного в этом, конечно, ничего нет – поручиться за кого-то в выдаче ссуды на обустройство, но ведь Василь-то ссыльный. Во-первых, могут просто не выдать ссуду, а во-вторых, и самому-то страшновато, а вдруг сбежит куда? Хотя мужик он серьезный, не должен подвести, рассуждал Пров Емельянович, все не решаясь ответить Василю на его просьбу. А тот, видя нерешительность старосты, постарался развеять его сомнения.

– Пров Емельянович, вы не сомневайтесь... – Василь поглядел ему прямо в глаза. – Я не подведу вас. Никуда я отсюда не денусь, ведь у меня же теперь здесь будут жена с детишками да теща старая, наверное. Не бросит же она там мать одну.

– Ну, хорошо, – решил Пров Емельянович. – Как только приедет твоя жена с детьми, приходи. Буду твоим поручителем и доверенным лицом. Тебе ведь на руки такие деньги не дадут, потому что ты ссыльный.

Придя домой, Василь рассказал Баркову о своем разговоре со старостой и спросил:

– Ну что, Пантелей Кузьмич,пустишь к себе мое семейство, как приедут? На время, конечно, пока дом не выстрою?

– Пущу. Только ты не жди, пока приедут. Это ведь долго протянется, пока она там выправит документы, необходимые для переезда, много времени пройдет. Так что начинай строиться сейчас.

Василь недоуменно посмотрел на него.

– Так ведь пока семьи нет, никто мне и земли не выделит, и ссуды не даст на постройку.

– А зачем тебе ждать какой-то ссуды? Тем более что тебе ее могут вообще не дать как ссыльному. Вон у меня бревна на дворе видел? Мне они пока не нужны, возьми их. На небольшую хату хватит пока. Дома рубить ты научился, вот и стройся, а я подсоблю, когда надо будет. А где дом ставить будешь, мы это с Дороховым решим. Ну а надел получишь, когда семья будет.

Пока будешь с моего огорода брать сколько надо. Что ж, ты у меня не за бесплатно работаешь. За постой ты мне казенными деньгами расплачиваешься. Я не мироед, чтобы за один харч ты у меня работал. А станешь хозяином, друзьями останемся.

Задумался Василь: а ведь прав Барков. Что время зря терять? Пока Марийка с детьми приедут, он и дом поставит к этому времени. Не зря же он прошел плотницкую науку на каторге.

– Ну, спасибо, Пантелей Кузьмич. – Василь низко поклонился ему. – Хороший ты человек, спасибо. А я отработаю тебе за все, ты не сомневайся.

– Да ладно, чего там. Надо помогать друг другу. Ты же у меня сейчас вон какой помощник в хозяйстве. Это тебе спасибо, вон какой амбар мне срубил, на загляденье.

В тот же вечер Василь написал еще одно письмо Марийке. Он написал ей про то, какие здесь плодородные земли, про то, что здесь можно будет получить надел на всю семью, про то, что на днях начинает строить дом для них. «Уговори мать, и продавайте все хозяйство вместе с хатой, – писал Василь. – Приезжайте сюда, не пожалеете. Здесь очень много людей с Украины и, кто работает, те живут неплохо».

4

Трудно пережила Марийка эти пять лет. После ареста Василя и отца приехал новый владелец имения – брат старого пана. Марийку сразу отправили на скотный двор. Теперь она от зари до зари гнула спину, ухаживая за панской скотиной, орудуя вилами и лопатой, вычищала навоз в хлеву, чистила, скребла и к вечеру так уставала, что еле держалась на ногах. Первые дни такая работа была для нее спасением от тяжелых дум, в ней она заглушала свое горе. Домой приходила вся разбитая, измученная непосильным трудом, а надо было поддерживать и свое хозяйство. Мать теперь постоянно болела, и лишь одна радость была у Марийки – Никитка и Матюша. Дети росли, на удивление, крепкими, здоровыми и работящими. Видя, что Марийка сильно устает, они старались помогать матери и бабушке во всех домашних делах и по хозяйству. А по вечерам, перед сном, укрывшись до подбородка одеялом, всегда просили мать:

– Мамо, расскажи про татко.

Марийка, поглядывая в полутьме на сыновей, тихо рассказывала им о Василе, какой он у них сильный и смелый, как все умеет делать, за что ни возьмется.

– Мамо, а когда татко вернется?

– Ой, не скоро, деточки мои, Ой, как долго еще ждать! – Марийка сама боялась даже думать о том, сколько же это лет пройдет, пока Василь вернется.

– Мам, а что бабка Гарбузиха называла нас сиротками?

– Глупая она, не слушайте ее, деточки. Жив ваш батько, только трудно ему там. – Марийка уже не первый раз слышит, что ее детей называют сиротами. Она в душе возмутилась даже, но виду не подала, а на завтра решила поговорить с этой Гарбузихой, чтобы та не сплетничала, особенно при детях.

– Мамо, а за что татку угнали на каторгу? – спросил Никитка.

– За что? – задумалась Марийка, как это объяснить детям. – Паныч обидел меня сильно, ну, а ваш батько и дед заступились, вот их и осудили.

– Мам, а ты не бойся, если кто обидит тебя, ты нам говори, мы с Никиткой ему так дадим! – Глаза Матюши заблестели в темноте решимостью заступиться за мать.

– Ну, конечно, скажу. А кто же еще за меня заступится, пока отца нет. Защитники вы мои, давайте спать.

Но как ни старались Марийка с матерью, а без мужиков в доме хозяйство постепенно разваливалось, приходило в упадок. Если раньше Кавуны держали двух коров, выращивали телка, несколько свиней да птицы разной, то теперь осталась одна корова, да и ту прокормить зимой было тяжело. Нелегко было Марийке накопить одной сена на зиму, а тут еще и управляющий нового пана озлобился на нее и выделил ей покос там, где никто никогда не косил, потому и травы-то хорошей там не было. Она молча переносила все невзгоды, терпела укоры и издевательства, сыпавшиеся на нее от дворни нового пана. Плакала по ночам, чтобы дети не видели, и верила, что придет то время, когда Василь вернется и заживут они опять весело и безбедно. Успокаивала себя тем, что как бы ей трудно ни было, но она-то дома, а вот Василь с батькой где-то на чужбине, на каторге, им-то каково?

Но время шло, а от Василя ни весточки. Что с ним и отцом, живы ли? Неизвестность угнетала ее больше, чем все напасти жизни. А как прошли не дни, а годы неизвестности, то стали злые языки говорить, что сгинули Василь с Кавуном на каторге, нет их в живых, зря она ждет их. Уже за спиной и вдовой стали ее называть. Марийка старалась не обращать на это внимания, но, приходя домой, падала навзничь и плакала в подушку. Успокоившись, занималась по хозяйству, погруженная в свои думы.

Так прошло пять лет. И вот наступил тот день, когда принесли ей первое письмо от Василя. Радость неопишуемая, но и горе тяжкое. Особенно для старой Кавунихи – узнав о смерти мужа, она совсем занемогла и уже почти не вставала с постели. Зато мальчишки ходили по селу и всем говорили, что батько прислал письмо, что жив он и здоров, но приехать пока не может. Марийка повеселела, приободрилась, узнав, что Василь уже не на каторге, а на поселении. Снова, как когда-то, весело суегилась по дому, возилась по хозяйству, что-то тихо напевая, и улыбалась своим мыслям. Она, конечно, не могла и представить себе, как далеко он от нее: кроме как в город, Марийка никуда и никогда не выезжала.

Но ненадолго поселилась радость в их доме. Кавуниха, оставшись одна, потеряла всякий интерес к жизни. Она уже почти не выходила во двор, а все лежала в хате, уставившись немигающими глазами в потолок. Так тихо, молча и померла.

Совсем растерялась Марийка, оставшись одна с детьми. Хоть и подросли дети, во всем помогали ей, но все равно она чувствовала себя одиноко. Отец Василя умер год назад, так и не дождавшись известий о сыне, сестра его Ганка жила с мужем и детьми в своих заботах и хлопотах. Загоревала опять Марийка, а тут к зиме второе письмо получила от мужа. Как прочитала, обмерла от неожиданности, а дети все теребят ее:

– Мамо, что батько пишет? Как он там?

– Что пишет? – Марийка задумчиво улыбнулась. – К себе зовет нас, сам-то он не может приехать, так хочет, чтобы мы к нему приехали.

Мальчишки запрыгали от радости.

– Мамо, так собираемся и едем к батьке!

– Да как же это, сынки? Вот так все бросить и ехать куда-то в Сибирь? Там дюже холодно. Померзнем мы там...

– Но батько-то не замерз, – перебил ее Никитка. – Значит, и мы не замерзнем. Мы под козушок кацавейку наденем, и тепло будет.

– Ой, страшно, деточки вы мои! Там и люди-то другие. Правда, батько пишет, что хорошие люди там живут, да и с Украины много переселилось уже. Все равно страшно, как бросить все: дом, хозяйство? Батько пишет, чтобы продавали все – и будут деньги на дорогу, а там он нам уже новую хату строит, большую, светлую.

Заметалась Марийка, совсем голова кругом пошла. Что делать-то? Боязно бросать все нажитое еще ее родителями, страшно где-то на чужбине начинать все сначала, страшно с двумя детьми ехать в такую даль, но гораздо страшней и невыносимей ждать еще целых десять лет,

пока муж вернется, мыкаться одной с детьми. Прочитала Марийка несколько раз детям письмо Василя, сама вникла в то, что написал муж, и поняла, что надо ехать.

Долго она не решалась пойти к управляющему имением, чтобы получить разрешение от пана на отъезд к мужу. Управляющий, помня, чья она жена, называл ее «каторжанкой» и, посылая всегда на самые тяжелые работы, приговаривал при этом: «Твое место на каторге, рядом с мужем, а раз ты не с ним, то я здесь тебе устрою каторгу».

Когда же Марийка все-таки пришла к нему с просьбой отпустить ее, он даже слушать не стал. «Что, каторжная твоя душа, к муженьку захотелось? Конечно, там твое место! Но не дождешься этого. Ты у меня здесь подохнешь, раньше, чем твой муж там, на каторге». С того дня для Марийки наступили самые тяжкие дни. Теперь ее ставили на такие работы, где и здоровому мужику не управиться. Домой она приходила вся разбитая от усталости и падала без сил. Мальчишки, видя, как мать выматывается на панских работах, сами управлялись с хозяйством. Сперва она молча терпела все это, но потом, чувствуя, что силы покидают ее, стала при каждой встрече с управляющим падать на колени перед ним и со слезами просить, чтобы отпустил ее. Но он только смеялся, издеваясь над ней, и говорил, что она еще должна у пана отработать за мужа, пока тот на каторге.

Так прошла еще одна зима. К весне мальчишек забрали пасти панскую скотину, в помощь пастуху. Марийка, измученная тяжелым трудом, горькими думами, жила только одной мыслью – как получить разрешение от пана. Но теперь дворня и близко не подпускала ее к панской усадьбе, как какую-то прокаженную. Однажды ранней весной, когда Марийка работала на скотном дворе, мимо проезжал пан в коляске, запряженной парой гнедых. Остановился, осматривая свои владения. Увидев его, Марийка, бросив вилы, которыми она перекидывала навоз, выскочила за ворота и подбежала к панской коляске. Упала на колени в придорожную пыль и стала кланяться пану, умоляя его:

– Смилуйтесь, пан, смилуйтесь над несчастной женщиной!

Управляющий, сопровождавший пана, подскочил к Марийке, схватил за шиворот и хотел оттолкнуть ее в сторону, но пан остановил его:

– Подожди. Кто такая?

Марийка, вырвавшись из рук управляющего, опять упала в ноги пану и стала просить отпустить ее к мужу. Пан удивленно снова посмотрел на управляющего: «Это кто такая?»

– Да убийца этого жена. Который вашего брата с семейством сжег в доме.

– А, этого каторжанина. – Пан с интересом посмотрел на Марийку. – Ну и что ж мой покойный племянник нашел в этой бабе? Это из-за нее-то и загубил злодей всех? – Он брезгливо поджал губы, глядя на женщину, валяющуюся у него в ногах. – Дай ей отпускную. Пусть катит к своему каторжанину. Там ее место. – И добавил с усмешкой: – Тоже мне, декабристка нашлась.

Получив бумагу, что она не имеет долгов перед паном, поехала Марийка к волостному старшине, чтобы взять свидетельство на переселение. «Только приготовь денег на взятку, так не дадут тебе разрешения», – предупредил ее сосед, дядько Панас.

На ее счастье, волостной помнил Ярko Кавуна как отчаянного казака, еще с турецкой кампании. Выслушал он Марийку, посочувствовал ей, пообещал, что поможет.

– А не пожалеешь, что уезжаешь с Украины? – спросил он, пытливо глядя ей в глаза. – Марийка, подумав, что он не хочет выдавать ей свидетельство, стала доставать из узелка деньги, заранее приготовленные и завернутые в тряпицу. – Не надо. – Волостной отодвинул ее руку с деньгами. – Конечно, я не должен выдавать тебе свидетельства на переселение одной без мужа, но раз он у тебя уже там, то дам. А деньги спрячь, они тебе еще пригодятся. Жаль Ярko, сгинул на каторге, а добрый рубака был. Погоняли мы с ним турок в свое время. Жаль его. – Он призадумался ненадолго, видно, вспомнил молодые годы, потом, тряхнув головой,

как бы отгоняя нахлынувшие воспоминания, снова обратился к Марийке: – Подожди, я скажу писарю, чтобы выписал тебе бумаги, а то он сдерет с тебя три шкуры за них, знаю я его.

Дождавшись, пока писарь выписал ей документы, Марийка все равно сунула ему ассигнацию, которую он молча положил в карман. Вернувшись в село, она быстро продала дом, хозяйство, небольшой участок земли, доставшийся ей от родителей. Поклонилась родным могилам, попрощалась с соседями и, взяв с собой только одежду да еду на дорогу, как написал ей Василь, Марийка с детьми отправилась в город на попутной подводе. Когда подвода поднялась на пригорок, Марийка обернулась: где-то далеко, среди бескрайней цветущей степи последний раз мелькнуло перед ней родное село, знакомые белые хаты, высокая колокольня и густые сады... а потом все задрожало, затуманилось от нахлынувших слез.

Чтобы попасть на поезд, шедший на Дальний Восток, ей пришлось обратиться в городе в переселенческий отдел. Шло массовое переселение обнищавших крестьян из украинских губерний на Дальний Восток. Большинство из них ехали куда глаза глядят: им нечего было терять у себя дома, а там они надеялись хоть как-то выжить. Чтобы получить разрешение и билет на отъезд, Марийка давала взятки всем подряд, ничего не жалела, лишь бы только скорее сесть на поезд и уехать.

Хоть и было переселенческое движение организовано государством, но власти, занимающиеся этим, не смогли наладить более или менее сносное обслуживание переселенцев. Перевозились семьи в вагонах-теплушках, переделанных из товарных и непригодных для людей. В вагонах не было ни вентиляции, ни отопления в зимнее время, кроме небольших печурок. Не было и никаких норм размещения людей в этих вагонах, а железнодорожное начальство в целях выгоды своего ведомства старалось как можно больше вместить в теплушки переселенцев.

Кое-как протиснувшись в вагон, заполненный людьми и нехитрым скарбом, Марийка нашла свободный угол, где и разместилась с детьми. Расстелив ряднину и положив на нее узлы с вещами, побежала с ведром набрать воды в дорогу. Вернувшись, накормила сыновей и уложила их на расстеленные овчинные коврики, взятые с собой в ожидании сибирской зимы. Спать мальчишки не хотели, а осмотревшись, уже не сидели нахохлившись, как воробьи, а разыгрались с другими детьми, которых в вагоне оказалось множество. К вечеру поезд тронулся. Все перекрестились: «С Богом!» На некоторое время переселенцы примолкли, задумались, что их ждет там, вдали от «ридной Украины».

Медленно, почти месяц, шли по России поезда с переселенцами. Долгой и утомительной была дорога из родных мест в далекие, незнакомые края. Пыхтя и отдуваясь густыми шлейфами дыма, кряхтел небольшой паровозик, таща два пассажирских вагона с состоятельными людьми, ехавшими в основном по казенной надобности, и несколько теплушек с переселенцами.

В этих деревянных вагонах-теплушках, битком набитых людьми со своим скарбом, было душно, стоял смрад и тяжелый дух от давно невымытых потных тел, запах от еды, готовящейся на маленькой печурке с трубой, выведенной в окно. Печка была одна, и пищу готовили на ней каждая семья по очереди, поэтому она топилась почти постоянно, усиливая духоту и без того спертого воздуха. Здесь же женщины застирывали белье, развешивая его под крышей вагона, и тогда совсем нечем было дышать. Широко раскрывать двери теплушки на ходу было опасно, дети могли заиграться и вывалиться, да и от паровоза шел такой смрад, что лица у всех переселенцев были в черных потеках от пота и копоти. На длительных стоянках все пытались отмыться и натаскать побольше воды в дорогу. Но все равно к середине пути в вагонах начались заразные болезни. Родственники заболевших пытались скрывать это, боясь, что их высадят и они отстанут от своей партии.

Первые дни пути Марийка, радостная и успокоенная тем, что наконец-то едет к Василю, не замечала всех мытарств и неудобств дорожной жизни. Сама на стоянках бегала за свежей

водой, следила, чтобы не пропустить очередь к печурке, приготовить еду и накормить детей. Конечно, ей было легче, чем семьям с маленькими детьми. Почти постоянно в каком-нибудь углу вагона слышались плач младенцев и раздраженные голоса матерей, успокаивающих их. Никитка же с Матюшей, казалось, не замечали ничего. Они целые дни резвились со своими сверстниками, и лишь к вечеру, утомленные играми и духотой падали на расстеленные коврики и засыпали. Ближе к ночи и Марийка, усталая от изнуряющей духоты, леглась рядом с сыновьями, укрывая их от ночных сквозняков, гуляющих по вагону. Долго не могла заснуть, все лежала и думала о том, что их ждет там, в далеком Приамурье, о котором она раньше и не слыхивала.

В отличие от других переселенцев, Марийку неизвестность будущего не пугала. Она ехала к мужу, которого не видела уже более шести лет, и знала, что он ждет их, наверное, уже все продумал, где и как им жить дальше. Наконец-то, они будут вместе...

Но чем дальше и дальше поезд увозил ее от родных мест, тем чаще сердце сжималось от нападающей тоски, и только ожидание встречи с Василем не давало ей впасть в уныние. Она с интересом поглядывала на незнакомые пейзажи, проплывающие за раскрытыми дверьми вагона, на унылые деревни с покосившимися, прокопченными избами и расхлябанными дорогами. Временами подкатывала невыносимая тоска, Марийка начала осознавать, как далеко она уехала от украинских беленьких хаток с плетнями и глечиками на них, от привольных херсонских степей с запахом трав и цветов, знакомых с детства. И если этот унылый пейзаж с раскисшими дорогами и убогими деревнями да полустанками, проплывающий вдоль железной дороги, вызывал у нее тоску и уныние, то темный густой лес, временами подступающий прямо к насыпи с рельсами, его вековые деревья, невиданные ею раньше, наводили страх в душе и сомнения, правильно ли она поступила, бросив все и поехав с детьми в такую глухомань. Вспомнив о Василе, который ждет их, она тут же прогоняла все свои страхи и колебания, и радость предстоящей встречи с мужем оказывалась сильнее сомнений и раздумий, временами терзавших ее душу.

5

Еле дождался Василь, пока Дорохов решит, где отвести ему земельный участок, уж так не терпелось начать строить свой дом. Барков уже несколько раз ходил к старосте, разговаривал с ним о своем постояльце, поручался за него. Наконец-то пришел день, когда Дорохов отвел Василю и показал ему границы выделенного участка под строительство дома. Место аховое, за селом, на краю балки, в стороне от семи озер, зато на семи ветрах, но Василь был рад и этому. Этот маленький клочок земли был для него заветной мечтой, о которой он, осужденный на столько лет каторги и ссылки, даже и не думал. Молча стоял Василь, все еще не веря, что так просто разрешился вопрос, о котором мечтал всю свою жизнь. Дорохов, видно, не поняв его состояния души, подумал, что Василю не нравится это место, как бы извиняясь, сказал:

– Конечно, место не очень хорошее, но сам видишь, в селе уже свободной земли нет, а здесь стройся, заводи огород, земли сколько хочешь, вон, весь склон твой. Зато вода рядом, – успокоил он Василю, показывая на ручей, протекающий по дну балки. – Ну а как жена с детишками приедут, то и надел получишь, как положено переселенцам.

– Спасибо, Пров Емельянович. – Василь низко поклонился Дорохову. – Если какая помощь нужна будет, срубить что или какая другая нужда, я всегда подмогну, вы только позовите.

– Да, уж наслышан, плотник ты знатный. Может, когда и вправду позову. Ну, давай, Василь Петрович, стройся, обживайся. Скоро семья-то приедет? – задал он вопрос, мучивший и Василя.

– Не знаю, что-то нет от них ничего. Я уже два письма отправил.

– Так может, и не приедут? – спросил Дорохов. – Может, зря все это? Отбудешь свой срок и вернешься на Украину.

– Что вы, Пров Емельянович. – Василь заулыбался мечтательно. – Конечно, приедут. Раз я написал им, то приедут. Вот только когда? – Он вздохнул.

– Ну, тогда жди и готовь жильё.

Когда Дорохов ушел, Василь размышлял, представляя, какой дом он построит на этом месте, как украсит его, какие резные окна у него будут, какое крыльцо. Он давно думал об этом, с тех пор как Барков в первый раз заговорил с ним о переезде семьи. До позднего вечера не уходил Василь с участка, думая о том дне, когда приедет Марийка с детьми и удивится, увидев какой дом он построил для них.

Со следующего дня Василь, взяв у Баркова лошадь, стал перетаскивать бревна на свой участок, готовить место под строительство дома. Ходил в тайгу, на болото, заготавливая мох для конопачивания стен, сушил его. Выбирать мох его также научили вольные плотники еще на каторге. Через несколько дней на краю балки задымил костер, разогревая смолу. Строил Василь основательно, хорошо просмаливая каждую стойку, каждое бревнышко окладного венца. Душа его пела, а топор звенел, когда он тесал бревна для своего дома. Вскоре из села уже был виден сверкающий свежетесанными бревнами сруб будущего дома.

Теперь в селе на него уже не смотрели, как на временно проживающего у них ссыльнопоселенца. Мужики, видя в нем своего будущего односельчанина, обустрояющегося здесь прочно и навсегда, помогали ему в распиловке бревен на доски или в другой какой работе, где ему несподручно было справиться одному, а то и просто подходили по вечерам, посидеть, пошутить о житье-бытье.

В плохую погоду Василь сидел под навесом и строгал дранку для крыши из заранее заготовленных и высушенных чурбаков. В такие минуты, когда были заняты работой только руки, в голову лезли всякие нехорошие мысли. Временами ему казалось, что Марийка не поедет сюда, не решится бросить все и отправиться с детьми в такую даль, в такие земли, про которые она и слыхом не слыхала. В отчаянии у него опускались руки, не хотелось ничего делать, но он тут же прогонял такие мысли, вспоминая, как любили они друг друга, как радовались появлению своего первенца Никитки, потом последыша Матюши. Какие его сыновья сейчас? Выросли, наверное, уже и не узнают отца. А какое раздолье здесь для мальчишек! Василь представил, как поведет сыновей в тайгу, покажет им невиданные ранее деревья, грибы, ягоды, покажет всю красоту здешних мест.

К зиме на краю села уже стоял новый дом-пятистенник под драневой крышей, просмоленной поверх дегтем с песком. Невысокое, но широкое крытое крыльцо со стойками и перилами дополняло вход. Дом еще не был украшен ни резными наличниками, ни ставнями, все это Василь оставил до весны. Зато в доме уже были настелены полы, стояла печь, источавшая тепло и уют.

Василь понимал, что теперь до весны уже нечего ждать жену с детьми. Да и не доберется она сюда, потому что поезда ходили только до Сретенска, а дальше надо было плыть на пароходе. Решил Василь перебраться на зиму в свой дом, чтобы к приезду Марийки с детьми все обустроить для нормальной жизни. Вторую половину дома он разделил дощатой перегородкой на две небольшие комнаты. В одной поставил деревянные широкие полаты для себя с Марийкой, в другой – для детей. Сделал стол, стулья, полочки и шкафчики для различных надобностей. От местных умельцев Василь научился работать с берестой, ивой и рогозом, теперь длинными зимними вечерами он делал туески, плел корзины. Доски у него были напилены с

запасом и лежали возле дома под навесом, он понемногу заносил их в дом, досушивал, строгал, делал заготовки для карнизов, наличников, ставен... Продумывая узор для резьбы, он долго ходил по селу, смотрел, как у других украшены избы, запоминая все это, потом приходил домой и составлял свой узор, вводя туда элементы украинских орнаментов, вспоминая рушники, расшитые Марийкиными руками. К весне все заготовки были украшены резьбой, отполированы, отшлифованы. Оставалось только по теплу еще раз проконопатить дом и прибить все украшения.

Так, за заботами прошла зима. Как только сошел снег, Василь стал корчевать участок возле дома под огород. Имея свой дом, ему было стыдно харчеваться с подворья Барковых, пора было заводить свое хозяйство.

Все это время, что бы Василь ни делал – строил дом, обустроивал его, корчевал и вскапывал огород – он впервые в жизни чувствовал не усталость, а радость от проделанной работы. Наконец-то, он работал не на пана, не на подневольной каторге, а на себя, на свою семью. Жаль, только дни еще по-весеннему коротки...

Пособие ссыльнопоселенца он теперь не отдавал Баркову за постой, а стал приобретать на него кое-какой инвентарь для дома. И первое, что он купил – керосиновую лампу-трехлинейку, чтобы по вечерам не ложиться спать с заходом солнца, а продолжать что-то делать. Уже далеко за полночь он вытягивался на постели, представляя, что скоро рядом с ним будет его любимая жена, а за стеной, набегавшись за день, будут сопеть во сне его сыновья. Какими они стали, Василь не мог и представить. Когда его арестовали, они были еще малыми, а теперь уже настоящие парубки по четырнадцать-пятнадцать лет. С такими помощниками он быстро поднимет свое хозяйство. Скорей бы только они приехали.

Весной жена Баркова принесла Василию маленького кабанчика, пару курочек-хохлаток да петуха голосистого.

– Вот, Василь Петрович, заводи свое хозяйство. Как лед сойдет на реке, наверное, уж и семья приедет, чем-то кормить надо их.

Пришлось Василию бросить все работы и срочно соорудить небольшой сарайчик для поросят и кур. А как отсадил огород, то и изгородь вокруг дома стал делать. Решил Василь сделать плетень, как на Украине, благо ивы росло по берегу ручья много, и он, нарезая её, большими охапками носил к дому.

Дни пролетали незаметно, только ночи тянулись в долгом ожидании и думах о семье: как они доберутся, дорога-то неблизкая. После Пасхи Василь стал каждый день с нетерпением поджидать вестей из города. Будучи поднадзорным, он сам не мог выезжать из села без особого разрешения, поэтому встречал всех, кто возвращался из города. Его волновало только одно известие – прибыл ли пароход из Сретенска. Но потом ему сообщили, что первый пароход приходил, через какое-то время пришел и другой, а Марийки с детьми все не было.

Как-то в конце мая теплым весенним вечером заглянул Барков.

– Слышь, Василь Петрович, подходи завтра поутру, в церковь пойдем. Там икону чудотворную привезли, заступницу нашу.

– А что это за икона такая, чудотворная?

Скрутив самокрутку, Пантелей Кузьмич не спеша прикурил, глубоко затянулся душистым самосадам, задумался.

– Так что это за икона такая? – все допытывался Василь. – Ты мне никогда не рассказывал про нее.

– Это, Василь Петрович, икона старинная, Албазинская. Так она названа в честь крепости Албазина, что в верховьях по Амуру стояла. Большим бельмом в глазу она была китайскому богдыхану. Много раз тот пытался захватить город-крепость, но не мог. А когда после долгой осады русские все-таки ушли из города, ничего врагам не оставили, все укрепления были срыты и уничтожены. Казаки унесли с собой и Албазинскую святыню – икону Божией

Матери «Слово плоть бысть». Унесли на реку Шилку, в город Сретенск. И только после того, как здесь побывал граф Муравьев-Амурский, вернул России эти земли и был основан город Благовещенск на месте Усть-Зейского поста, икону возвратили Амурскому краю, перенесли ее из Сретенска в Благовещенский храм. Как видишь, Василь Петрович, вот уже более трехсот лет эта чудотворная икона охраняет амурские рубежи. Ну а сейчас, обычно с конца весны и до середины осени, эта древняя святыня с крестным ходом посещает села Приамурского и Зазейских краев. Вот и дошла она до наших Семиозерок. Так что подходи завтра пораньше, вместе пойдем.

Наутро, одевшись по-воскресному, Василь пришел к Баркову и с его семьей отправился к церкви. Когда они подошли, на площади перед церковью уже собралось много народа. У входа в храм стоял стол, накрытый тяжелой парчовой скатертью, и на нем возвышалась большая икона в старинном серебряном окладе. Люди, неистово крестясь, подходили к столу и, коснувшись рукой иконы, целовали скатерть, на которой она стояла.

– Пойдемте к святыне. – Пантелей Кузьмич обратился к своему семейству и Василию. – Говорят, земля, у которой есть своя святыня, обязательно станет родной для тех, кто на ней живет. И ты, Василь, верь: будет Амур родным и для тебя, и для твоих сыновей, а там и внуков...

6

Где-то в конце июля поезд пришел в Сретенск. Дальше надо было пересаживаться на пароход, и все перебрались к пристани. Свежо, привольно, но нет крыши над головой. Пароходы ходили очень редко, и в ожидании все расположились прямо на берегу, понаделав палаток, навесов из всего, что было с собой. Правда, это плохо спасало и от дождя, и от палящего летнего солнца.

Тем временем Марийка узнала, что ей надо будет с первой партией переселенцев плыть на пароходе до города Благовещенска, а как дальше – это ей скажут на месте.

Когда пришел пароход, все закопошились, засобирались. Наконец-то началась посадка. Всех, кому плыть далеко, разместили в трюмных помещениях, а кому поближе – прямо на верхней палубе. Марийка с детьми расположилась поближе к надстройке. Ей казалось, что так безопасней, да и, как потом выяснилось, здесь на ходу не так задувало ветрами.

Как отошел пароход от пристани, Марийка без сил опустилась на расстеленные кожухи. Мальчишки видели, что мать уже еле держится на ногах от усталости. Долгая дорога вымотала ее хуже, чем тяжелая работа на панском скотном дворе. Марийка чувствовала, что силы уже покидают ее, но, представив предстоящую встречу с Василем, она вновь приободрялась, стараясь не показывать сыновьям своей усталости и тревоги. А тревога была постоянно: и пока ехали на поезде, и сейчас, на пароходе. Она с испугом поглядывала на крутые скалистые берега с двух сторон, покрытые хвойными лесами. Эта суровая природа настораживала, вселяя беспокойство и смятение в душу. По ночам Марийка вглядывалась в темное небо, и казалось ей, что даже звезды здесь какие-то другие, совсем не такие, как на украинском небосводе. Все было чужим и непривычным.

А как вошел пароход в воды Амура и узнала Марийка, что правый берег – это уже не Россия, а совсем другая страна и живут там другие люди, еще больше забеспокоилась, с испугом поглядывая на чужой берег. Пароход, шлепая плицами по воде, шел по фарватеру, временами подходя совсем близко к китайскому берегу. Замирало сердце у Марийки и уже не чужим казался ей берег российский, она с облегчением вздыхала, когда пароход отходил подальше от чужой земли и шел посередине реки или вдоль своего берега. Мальчишки же, особо не заду-

мываясь ни о чем, с интересом смотрели на необычную для них природу, на широкую реку, вырвавшуюся из забайкальских сопок на просторы Приамурья.

Долго тянулись эти несколько дней на пароходе. Глядя на медленно проплывающие берега, Марийка временами думала, что она никогда не доберется до своего Василя, так долог и утомителен был путь, и только предчувствие предстоящей встречи с мужем давало ей силы для каждого нового дня этого длительного путешествия.

Наконец-то пароход пришвартовался у Благовещенской пристани. Выгрузили первую партию переселенцев на берег. Оставив детей присматривать за узлами, Марийка с другими людьми пошла узнавать, куда и на чем же ей теперь добираться дальше. Оказалось, что осталось ей совсем немного пути, около ста верст до места, где жил ее Василь. Чиновник, занимающийся переселенцами, посмотрев ее бумаги, сказал, что ей надо со всеми переправиться на пароме на другой берег Зеи, а там ей укажут, как дальше добираться. Переночевали прямо на берегу, наутро следующего дня были поданы подводы. Переправившись на другой берег, переселенцы разделились на две партии. У одних было предписание расселяться по селам вдоль Амура, а у других – вдоль Зеи. Марийке сказали, что ей надо идти с зейскими переселенцами.

После полудня прибыли в волость, где половину переселенцев отделили, оставив для расселения в близлежащих селлах, а остальных после ночевки наутро повезли дальше. Почти весь следующий день подводы медленно тянулись по пыльной дороге, укатанной тележными колесами.

– Добрых людей по Амуру селят, а нас еще гонят куда-то, – проворчал на привале высокий худой переселенец.

– Чудной ты, паря, – улыбнулся старик-возница. – Да на Зейской равнине самые богатые земли во всем Приамурье. Места хлебные, все сюда норовят попасть. И рожь, и картошка, даже арбузы растут. Через год-два хоромы себе поставишь.

– Твои бы речи да Богу встречи, – устало улыбнулся мужик. – Так-то оно ниче... привольно.

Марийке самой нравились эти места. Кругом луга, озера, березовые чистые рощи. Стоял август, уже желтели листья на березах, и сквозь них просвечивало голубое, по-осеннему высокое небо.

Когда же наконец подводы с переселенцами прибыли в какое-то большое село, конечный пункт прибытия, то Марийке сказали, что ей надо еще дальше, успокоив, что до Семиозерок осталось чуть больше десяти верст. Но добираться придется самой, подводы дальше не пойдут. Марийка растерялась, не зная, как ей быть, как преодолеть оставшиеся версты. Если бы не узлы с пожитками, то она бы пешком пошла, мальчишки уже не маленькие, но с вещами им не дойти. Переселенцы все разбрелись, разъехались, осталась она одна с детьми и узлами на дороге и уже совсем было опечалилась, как тут подъехала телега, и мужчина, сидевший на ней, окликнул ее:

– Эй, тётка! Что сидишь, пригорюнившись? Забыли про тебя, что ли? Куда направили-то?

Марийка подняла на него усталые глаза и чуть не плача проговорила:

– В Семиозерки мне надо, а как добраться – не знаю.

– В Семиозерки? – удивился мужчина. – Уж не ссыльного Василя Макиенка ты жена?

– Да! А вы знаете его? – Марийка радостно привстала с узлов.

– Ну, тебе повезло! Я как раз из Семиозерок. Давай грузи свой скарб. Парни-то твои, что ли? – Мужчина с интересом посмотрел на Никиту и Матвея. – Ну, давайте, ребятки, грузитесь, да поедем. Вот Василь-то обрадуется. Он уж вас так ждет не дождется.

Быстро погрузили узлы, расселись, и возница, взмахнув кнутом, тронул лошадей с места. Телега, скрипнув, покатила по дороге. Марийка сидела молча, все еще не веря, что им так повезло и сегодня она уже увидит своего Василя. После такой долгой и трудной дороги она все еще не могла поверить, что заканчиваются их скитания и они снова будут вместе.

– Долго добирались-то? – спросил возница.

– Ой, долго. – Марийка устало вздохнула. – С начала лета все едем-едем, то на поезде, то на пароходе. Страшно даже, так далеко заехали.

– А что тут страшного? Здесь тоже люди живут.

Уже смеркалось, когда подъехали к Семиозеркам.

– Вон ваш дом стоит. – Возница кнутовищем показал в сторону нового дома. – Сейчас я вас подвезу туда. Вот Василию радость-то будет.

А Василь, услышав, что подъехала телега, выскочил из дома и побежал навстречу. Упала Марийка на грудь Василию и замерла. А он целовал ее лицо, волосы, глаза мокрые от слез и тоже не мог и слова сказать от радости. Мальчишки, растерявшись, стояли и с удивлением смотрели на отца и мать. Наконец она подозвала их:

– Подойдите, это же ваш батько.

А Василь, обхватив их всех руками, застыл от нахлынувшего счастья.

7

Проснулась Марийка рано, перед самым рассветом. Проснулась от давно не слышанного ею пения петухов. Это мгновение было сказочным, как сладкий предутренний сон, и ей казалось, что вот сейчас она откроет глаза – и исчезнет все, что слышит, чувствует. Не было ни перестука вагонных колес, ни шума паровой машины на пароходе и плеска воды за бортом, а стояла полная тишина, среди которой вдруг где-то пропел свою предрассветную песню петух. Ему коротко ответил другой, потом третий, и опять все замолкло. Слышалось только дыхание спящего мужа да за перегородкой посапывали во сне дети.

Марийка открыла глаза и увидела, что еще полутемно, первые лучики рассвета только только начали пробиваться через окна, слегка освещая маленькую комнатку, в которой они спали. Она лежала, глядя в потолок, и счастливо улыбалась, перебирая в памяти вчерашнюю встречу с мужем, опять почувствовав эту невыразимую радость, охватившую ее, когда в полуобморочном состоянии она припала к нему и долго не могла оторваться, боясь, что все это ей только кажется. Затем Василь ввел ее в большой и красивый дом, сказав, что теперь они будут здесь жить. Он усадил ее и все ходил вокруг, любовался ею, подавал то воды, то какой-то сок, от которого вдруг исчезла усталость и она почувствовала прилив сил.

Мальчишки тем временем занесли узлы в дом и, осматриваясь, ходили по комнатам, выглядывая в окна. А потом он повел их в баньку, стоящую тут же, во дворе, уже протопленную. Отмыв мальчишек от многодневной дорожной грязи, они, накормив их, уложили спать и только тогда сами пошли в баню. Марийка вспомнила, какое блаженство она почувствовала, окунувшись в горячий парной воздух, а особенно после того, как смыла с себя не только грязь, пыль, но и усталость. Сейчас, лежа рядом с Василем, она, вспомнив все ласки и поцелуи, которыми он осыпал ее ночью и от которых она отвыкла за эти годы, опять потянулась к нему, обняла в порыве нежности и... разбудила его. Василь осторожно обнял ее, она прижалась, и снова порыв буйной страсти охватил их. Опомнились они, когда первые лучи солнца, позолотив верхушки деревьев, ворвались в дом. За стеной завозились мальчишки.

– Ну что, хозяйюшка моя, встаем? – спросил Василь.

Марийка еще сильнее прижалась к нему, боясь, что если она сейчас встанет, то все исчезнет, но Василь первый осторожно оторвался от нее и встал с постели.

– Пойдем, покажу, где что лежит, ты теперь хозяйка в этом доме, а то сыны скоро встанут, кормить их надо, вон какие большие выросли. – Василию все еще не верилось, что вот эти два парня – его сыновья.

Марийка поднялась следом за мужем, оделась, подошла к рукомойнику, висевшему в горнице, ополоснула лицо и удивленно оглянулась. Вчера в порыве встречи она и дом-то толком не разглядела, поэтому сейчас, все еще в чем-то сомневаясь, осторожно спросила:

– Василь, а этот дом правда наш?

– Ну конечно. – Он рассмеялся. – А чей же еще, я ведь его сам и построил, вот этими руками. – Он протянул ей свои руки с натруженными мозолями.

Марийка, взяв его за руки, приложила их к своим щекам.

– Василь, ты у меня такой молодец. Все умеешь делать. А где ты научился дома-то из бревен строить?

– Да на каторге пришлось познавать эту науку. – Он горько усмехнулся, но тут же весело добавил: – И не жалею об этом. Я вон уже и амбар построил хозяину, у которого жил раньше. Пойдем во двор, я покажу тебе еще кое-что.

Они вышли на крыльцо, и Марийка подставила лицо под утренние лучи солнца и закрыла глаза. Ей все казалось, что длится какой-то сказочный сон. Василь тронул ее за руку.

– Пойдем. Баню ты уже видела, а вот здесь уже и кое-какое хозяйство у нас есть. – Он подвел ее к сараюшке, открыл дверку и показал: – Смотри, что здесь.

Она заглянула внутрь. Увидав ее, поросенок захрюкал, прося есть, а куры на шестке завозились, проснувшись от света, проникшего через раскрытую дверь. Марийка опять удивленно спросила:

– Василь, а это тоже наше?

– Ну конечно, моя хозяйюшка. – Он счастливо прижал ее к себе, по-детски радуясь ее удивлению. – Маловато конечно, но со временем разживемся. Корову бы нам еще, чтобы молоко было свое. Ну, ничего, когда-нибудь обзаведемся и коровой, а потом, даст Бог, и лошадю. Без коня здесь тяжело. Вот сходим к старосте, представишься ему, тогда нам и надел на отруб выделят, земля своя будет. Ох и заживем мы с тобой! Будем работать на себя, на своей земле, а не на какого-то пана, – размечтался Василь. – Хозяевами будем!

Он повел ее на огород, водил меж грядками, показывая, где что растет, а она смотрела и все еще не могла поверить, что теперь больше не будет батрачить на кого-то и унижаться. А раз еще и землю дадут, значит, хлеб свой будет. Нет, ее сознание батрачки не могло в это поверить. Но раз Василь сказал, значит, так оно и будет. Может быть, закончились их мытарства и заживут они наконец-то счастливо и безбедно.

8

Не сразу привыкла Марийка к новой жизни. Не сразу привыкла к тому, что теперь это ее дом и, пока еще небольшое, хозяйство. Не покладая рук она трудилась по дому, на огороде, со скотиной, и эта работа была ей не в тягость, а приносила лишь радость. Уж очень долго она мечтала о такой жизни, пройдя сквозь горе, боль и обиды.

Сразу по приезду Марийка с Василем пошли к Дорохову. Она отдала ему свои переселенческие бумаги, и вскоре они получили земельный надел на отруб на опушке леса. Земля там была хорошая. Половина выделенной земли была нетронутой целиной, а вторая половина уже когда-то выделялась переселенцам из центральной России, семье Дугиных. Кое-как раскорчевав и вспахав эту землю, Дугины так ничего и не посадили на ней.

Глава семейства Митрофан Дугин – не очень-то рвущийся к земле мужик, он приехал на Дальний Восток в поисках легкой жизни и проводил больше времени в пьянках и гулянках. Пропив ссуду, выделенную на семью, уехал в город на заработки. Поздней осенью вернулся, кое-как они перебились зиму, а к весне снова уехал. И так несколько раз: бросал семью, уезжал

в город, где-то проработав временщиком, он пропивал все, что заработал, и возвращался в село с пустым карманом. Семья его, состоящая из жены Пелагеи, старшего сына Николки да двух дочек, жила тем, что нанималась в батраки к зажиточным селянам да кое-что выращивала на своем огороде. Николка, не приученный к труду, больше времени проводил в безделье, носился по селу, иногда помогая матери на работе по найму. Выделенная им земля, на которой так ничего и не посадили, снова заросла травой и мелким кустарником. Простояв более трех лет неиспользованным, этот участок был передан Макиенкам.

Василь решил сначала разработать целинный участок. Каждый день он с сыновьями уходил на свое поле, и там они рубили деревья, корчевали пни, жгли их, готовя землю к вспашке. Работая с отцом, Никита и Матвей с любопытством поглядывали на лес, темнеющий невдалеке. Он притягивал их к себе какой-то загадочностью и таинственностью. Василь, заметив, как сыновья посматривают в сторону леса, как-то после прошедшего дождя предложил им:

– Пусть земля подсохнет немного, а мы сегодня пойдем в лес. Покажу вам тайгу да грибочков заодно пособираем немного.

Наутро, взяв корзинки, они пошли в лес. Пока шли по дороге, весело разговаривали о чем-то, поглядывая по сторонам, но, войдя под сень деревьев, мальчишки притихли. Выросшие среди херсонских степей и впервые увидевшие настоящий лес только в дороге, когда то ехали на поезде, то плыли пароходом, они слегка испугались, оказавшись в этом таежном таинственном сумраке. Заметив это, Василь подбодрил их:

– Что притихли? Не бойтесь. Лес – это кормилец. Здесь все есть, чтобы человек не пропал, не умер с голоду.

– Батько, а звери здесь есть? – спросил Никита, озираясь по сторонам.

– Конечно, есть, но они живут подальше от жилья человека да и летом сытые, сами на людей не нападают. А вот зимой без ружья здесь делать нечего, можно и с волком повстречаться, и с шагуном.

– Кто это, шагун?

– Медведь, что не спит зимой, а шастает по лесу. В это время он голодный, злой, и лучше не попадаться ему на глаза. – Внезапно Василь остановился и приложил палец к губам. – Тсс, тихо. Вон смотрите бурундук на дереве.

– Где? – Мальчишки вытянули шеи, но ничего не увидели.

– А вон туда смотрите. Я его сейчас шугану. – Василь с шумом подошел к дереву.

Бурундук, затаившийся и с любопытством поглядывающий на них своими бусинками глаз, быстро побежал вверх по стволу и скрылся в ветвях.

– Вот он! – закричал Матвей, проследив, куда побежал бурундук, и, подбежав к дереву, стал смотреть вверх, отыскивая зверька среди густых ветвей.

– Да ладно, – засмеялся Василь. – Не ищи его. Здесь их много, еще насмотритесь.

Бродили по лесу долго. Ребятишки уже без страха забегали вперед, с интересом разглядывали каждое дерево, каждый куст. Василь видел, что любопытство победило в них робость перед незнакомой тайгой. Он постоянно им что-то показывал, рассказывал все, что сам знал. Подойдя к высокой лиственнице, Матвей, задрав голову, посмотрел вверх.

– Батько, а это что за дерево такое высокое?

– Это лиственница, очень прочное дерево. Вот из нее я и построил наш дом. Вечно будет стоять. Крепкое дерево. – Василь с уважением похлопал по стволу. – А вот эта ягода дает живительную силу. – Василь показал на лимонник, обвивающий своими лианами белую березку.

– Попробовать можно? – Мальчишки с любопытством посмотрели на еще зеленоватые, но уже начинающие буреть ягоды.

– Рано еще. Вот как похолодает, где-то в октябре-ноябре пойдем его собирать. Надо будет на зиму заготовить побольше. Он от многих болезней помогает.

Весь день бродил Василь с сыновьями по лесу. Он давно мечтал о том дне, когда сможет вот так водить Никиту и Матвея, показывать им все, рассказывать. Глядя на мальчишек, Василь чувствовал, что наконец-то он обрел покой и семейное счастье. А то, что впереди еще девять лет ссылки, так это не так важно, главное, что семья теперь с ним и он никуда отсюда уезжать не собирается. Здесь он станет хозяином на своей земле. Теперь все его семейное благополучие зависит только от него самого. Да с такой женой, как его Марийка, не испугавшейся дальней дороги и приехавшей к нему на край света, он теперь горы своротит. А какие помощники у него растут? Василь с гордостью поглядывал на сыновей, вспоминая, как он мечтал на каторге о том дне, когда они наконец-то будут вместе.

В воскресенье, на третий Спас, Василь повел свою семью к Баркову: тот давно уже приглашал их к себе. С утра, одевшись во все лучшее, что у них было, они отправились сначала в церковь, расположенную на другом конце села. Пока дошли туда, пока отстояли заутренню, пока возвращались назад, прошло полдня и только к обеду пошли в гости.

Все семейство Барковых – это сам хозяин Пантелей Кузьмич, его жена Евдокия и две дочки, старшая Таисия, ровесница Никите, и младшая Ульянка – вышли во двор встречать гостей. Василь представил всем свою жену и детей. Евдокия, охая и удивляясь, как это Марийка не испугалась одна с детьми решиться на такой шаг, как переезд сюда, все расспрашивала ее. Марийка, стесняясь своего украинского говора, больше отмалчивалась, а Евдокия вспоминала, как в свое время они добирались сюда, с какими трудностями, опять приходя в изумление от смелости Марийки.

– А вообще-то правильно сделала, – подвела итог она. – Мы сюда нищими приехали, трудно было вначале. Тайка только народилась, а Ульянки еще и в помине не было, Пантелею все одному приходилось поднимать, а у вас вон какие помощники отцу. Видела я, как они поле корчевали. Хорошие у тебя сыны, работающие, да и мужик деловой. Он пока у нас на постое стоял, много Пантелею помогал. Золотые руки у твоего Василя.

– Да вот ссыльный он. – Марийка опустила глаза. – Как к этому люди отнесутся?

– За это не беспокойся. – Евдокия махнула рукой. – Да у нас, почитай, полсела ссыльных.

Край здесь такой, всех сюда ссылают.

– Но вы-то сами переехали?

– Мы-то? Да мы с голоду бы подошли у себя в Поволжье, если бы вовремя добрые люди не надоумили переселиться сюда. Тоже, конечно, страшно было вначале, а вот видишь, как живем сейчас. Слава богу, все у нас есть: и земля, и хозяйство, и дети сыты, обуты. Жить можно. Земля здесь добрая, только работать на ней надо, не лениться – и все воздастся.

Разговаривая, женщины вошли в дом, а мужики остались на крыльчке, посидеть, покурить. Никита с Матвейкой, потупясь, стояли во дворе, не решаясь заговорить и боясь, что их не поймут. Тогда бойкая Тайка первая подошла и заговорила:

– Меня Тайкой зовут, а это моя сестра Ульянка. А тебя как? – спросила она Никиту, видя в нем старшего.

– Микита, а це мий брат Матвей.

Ульянка рассмеялась.

– Ой, как смешно вы говорите. А вы откуда приехали? – расспрашивала Тайка.

– 3 Украины, с Херсонщины мы.

– Долго добирались?

– Да, сперва на поезде, целый месяц, а потом пароходом плыли по Амур-реке.

– Ой, как интересно! Расскажи?

Никита замялся, не зная с чего начать, о чем рассказывать, но его выручила Ульянка.

– Тась, пойдём купаться. Ты же еще вчера обещала.

– Да подожди, не канючь! – Тайка одернула сестру, но потом сама спохватилась. – А и правда, мальчики, пойдёмте на озеро

– Конечно, пойдём. – Никите хотелось перед Тайкой казаться взрослым и солидным, но без разрешения родителей он все равно не мог уйти. – Надо батьке сказать.

Они подошли к крыльцу, где сидели их отцы и о чём-то разговаривали.

– Тять, мы пойдём на озеро? – спросила Тайка и, получив утвердительный ответ от отца, тут же сама обратилась к Василию: – А можно ваши мальчишки с нами пойдут?

– Конечно, сходите, погуляйте, только недолго.

Когда ребятня выскочила со двора, Василь, посмотрев им вслед, сказал Пантелею:

– Шустрая у тебя старшая.

– Да она у меня вместо сына, – с гордостью ответил Барков. – И на охоту со мной ходит, и с мальчишками дерётся заправски. Лучше бы парнем родилась.

Из двери выглянула Евдокия.

– Ну что, мужики, кончай курить, давайте проходите в дом. Пора за стол.

– Пошли, Василь, раз хозяйки кличут.

А ребятки в это время, оживленно переговариваясь, вприпрыжку бежали к озеру. Там уже было полно ребятни. Все весело кричали, бултыхались в воду. Тайка, на ходу сбросив сарафан, прямо с берега прыгнула в воду и поплыла. Ульянка, раздевшись, осторожно зашла и осталась у берега, плавать она ещё не умела. Мальчишки нерешительно остановились у воды, озираясь по сторонам. Потом Никита, видя, что на них никто не обращает внимания, разделся и осторожно зашёл в воду. Матвей за ним. Чувствуя, что дальше идти опасно, там глубоко, Никита остановился. К нему подплыла Тайка.

– А ты что встал? Поплыли на середину озера. – Никита помотал головой. – Что, плавать не умеешь? – удивилась Тайка. – Никита молча опустил голову, потом повернулся и хотел уже выходить из воды, но Тайка остановила его. – Подожди, не сердись. У вас, наверное, там и речки-то не было, и озера, – догадалась она и спросила: – Что, совсем не купались?

– Купались на ставке, но он мелкий, там по пояс всего.

– А хочешь, я научу тебя плавать? – Тайка подошла к Никите и взяла его за руку. – Не бойся, это не трудно. Вот смотри. – Она легла на воду и стала показывать ему, как надо плавать.

– Но ты же не так плавала, – возразил Никита.

– Так я саженьками, а ты сперва по-собачьему научись. Я тоже так училась. Давай, не бойся, только голову держи выше.

Никита лег на воду и попытался грести руками по-собачьему, но его потянуло вниз, и он, хлебнув озерной воды, вскочил на ноги, закашлялся. Тайка подбодрила его.

– Ты ногами тоже работай, вот смотри, как я. – Она легла на воду и показала ему, как надо правильно грести и руками, и ногами. – Никита, ты пробуй здесь, на мелкоте. Ногами оттолкнись от дна и пробуй плыть. Не получается снова встань на ноги и снова оттолкнись от дна. Вот увидишь, получится.

Приободренный ее словами, Никита начал смелее пробовать плавать, и вскоре у него стало кое-что получаться. Нахлебавшись воды, через некоторое время он стал уже немного держаться на воде. Матвейка, глядя на брата, тоже принялся учиться плавать. А когда Тайка, увидев, что Никита, гребя по-собачьему, уже передвигается по воде, предложила:

– Поплыли на глубину, что здесь воду мутить.

Никите было стыдно перед Тайкой, что он до сих пор не умел плавать, поэтому, ничуть не испугавшись, он без колебаний тут же согласился:

– Поплыли!

Усиленно гребя ногами и руками, он вскоре выдохся, но не подавал виду перед Тайкой, а она плыла рядом с ним, гордая тем, что вот она научила его плавать. Потом, увидев, что он уже устал, Тайка предложила вернуться, но Никита упрямо мотнул головой, еле успев выговорить:

– Плыдем до середины!

Тайка удивленно посмотрела на него и молча поплыла рядом, готовая в любую минуту прийти на помощь. Наконец-то, достигнув середины озера, она твердо сказала:

– Все, хватит! Уже середина! Давай вертаемся назад, а то не доплывешь.

– Это правда середина? – спросил Никита, отфыркиваясь от попавшей в рот воды.

– Ну, конечно, середина, плывем к берегу, Никита, ну, я прошу тебя, – в отчаянии сказала Тайка, видя, что ее затея может плохо кончиться.

Развернувшись в обратную сторону, Никита посмотрел на берег, который был теперь так далеко от него, что на какую-то минуту испугался, но Тайка была рядом, и он подумал, что негоже ему, парубку, показывать слабость перед дивчиной. Решительно заработав руками и ногами, из последних сил он поплыл к берегу. Весь дрожа от усталости, еле дыша, он, выбравшись из воды, сразу повалился на траву и в изнеможении закрыл глаза, подставляя лицо под теплые лучи солнца. Тайка тоже прилегла рядом с ним, с удивлением глядя на этого упрямого мальчишку.

– А ты, Никита, настырный. Я не думала, что ты поплывешь на середину озера. Я когда плавать научилась, так долго еще у берега бултыхалась. Смелый ты, – тихо произнесла Тайка и с уважением посмотрела на него.

Никита, отдышавшись немного, сразу спросил:

– Тайка, ты научишь меня плавать саженками, как ты?

– Конечно, научу. – Тайка помолчала немного и неожиданно предложила: – Никита, давай с тобой дружить.

Она сама удивилась тому, что сказала, потому что до сих пор все мальчишки хотели с ней дружить, а сама она впервые предложила это, почувствовав, что Никита не такой, как все их сельские мальчишки, с которыми она могла и пойти куда угодно, и подраться, если надо. Тайка, не боявшаяся никого и ничего, вдруг оробела перед этим мальчишкой, увидев в нем такое упрямство и смелость, на которую способен не каждый. У них многие мальчишки, умеющие хорошо плавать, не всегда отважатся заплыть до середины озера, а этот, только научившись держаться на воде, сразу поплыл с ней и ни разу не пискнул, не заскулил, а она видела, что он из последних сил доплыл до берега.

Вернувшись домой, Матвейка похвастался:

– А мы с Никитой плавать научились!

Барков сразу сообразил.

– Это Тайка вас научила?

– Да, а еще она с Никитой плавали до середины озера.

– Как же ты плавал? – удивился Василь.

– Да по-собачьему пока, а потом Тайка обещала научить меня плавать саженками. Знаешь, батько, она здорово плавает! – восхищенно сказал Никита.

– Это не страшно? – забеспокоилась Марийка, с испугом посмотрев на Баркова.

– Вообще-то у нас не каждый на это отважится, только моя Тайка да еще кое-кто. Да ты не беспокойся, – успокоил он Марийку, видя, как она заволновалась. – С моей Тайкой ничего не случится. Она у нас девка боевая!

Возвращаясь от Барковых, Марийка видела, что все встречные сельчане приветливо здоровались с ними. Она видела, что Василя здесь все знают и относятся уважительно, несмотря на то что он ссыльный.

– Хорошие здесь люди живут. Да, Василю? – спросила Марийка, прижавшись к его плечу.

– В основном хорошие, работающие, но не все. Много и разного сброда сюда понаехало. Кого по этапу прислали, как меня, а кто сам в поисках легкой жизни. Потом сама увидишь, кто работает на земле, тот и хозяин, а кто пьянствует да ленится, тому везде плохо.

А Никита с того дня задружил с Тайкой Барковой. Пока тепло было, он почти каждый день в обед бегал с ней на озеро и к концу лета плавал уже не хуже ее. Местные мальчишки

сперва втихомолку посмеивались, что Тайка «дружит с этим хохленком», но вслух боялись сказать, помня, как она умеет драться. Тайка быстро научила его правильно говорить по-русски, и вскоре он подружился с сельскими мальчишками. С Матвейкой они также были неразлучны и теперь ходили везде втроем. Чаще всего в лес, где Тайка была как у себя дома. Видя, с каким интересом Никита слушает ее и запоминает все, что она говорит, Тайка рассказывала ему про всех обитателей леса, про их повадки и хитрости.

– Тайка, а это что за дерево? Как называется? А что это за цветы такие? Что за трава? – спрашивали ребята.

Тайка, чувствуя себя в роли учительницы, рассказывала им обо всем, что сама знала, удивляясь, что мальчишки видят все это впервые. Вскоре Никита с Матвейкой уже чувствовали себя в лесу, как дома, и в любую свободную минуту бежали в тайгу. А свободного времени становилось все меньше, потому что хозяйство Макиенков с появлением Марийки в доме стало приходить в порядок и увеличиваться. К осени у них появилась рыжая корова Зорька, птицы разной распылодилось столько, что уже тесно им было в небольшом сарае, и Василь с сыновьями к зиме стал строить большую рубленую стайку для двух коров в расчете, что на будущий год купят еще одну. Учил сыновей плотницкому делу, как его когда-то учили на каторге, старался передать сыновьям все, что сам знал и умел.

– Учитесь, сыны, всему. Жизнь – она штука большая и сложная. Любое ремесло пригодится, не на кого надеяться будет, только на самого себя да на свои руки.

Заказал Василь мужикам, что в город ездили купить ему пару небольших легких топоров, сделал удобные для детских рук березовые топорщица, и теперь мальчишки сами шкурили бревна, делали пазы, постигали на деле всю плотницкую науку. По первому снегу уже поставили стропила. Чтобы не покупать доски, Василь в углу двора построил станок для распиловки бревен. Теперь они сами пилили доски. Тяжело было Никите с Матвейкой, но Василь их вдвоем поставил снизу, чтобы тянули за одну ручку пилы, а сам сверху. Не спеша, потихоньку, но работа шла, и вскоре крыша стайки покрылась новым тесом.

Марийка не могла нарадоваться, глядя на мужа и сыновей, как дружно и ловко они все это делали. Столько лет она и мечтать о таком счастье не могла, даже не представляла, что когда-нибудь они будут все вместе, у них будет свой дом, свое хозяйство, своя земля. Временами она боялась, что когда-нибудь утром проснется, и все исчезнет, как сладкий сон. По ночам она крепко прижималась к Василию, прислушиваясь, как за тонкой перегородкой сопят ее мальчишки, и успокаивалась.

9

Как наступала зима, жизнь в селе менялась. Поля покрывались толстым слоем пушистого снега, и мужики из землешашцев превращались в охотников, промысловиков. Доставали ружья, припасы, настраивали силки, капканы и уходили в тайгу. Промышляли всем понемногу: и охотой, и промыслом пушнины. Пока жил Василь у Баркова, брал его Пантелей с собой в тайгу, научил выслеживать зверя, а стрелять Василь умел еще со службы, он тогда был лучшим стрелком в роте. Также научил Барков Василю разбираться в звериных следах, ставить капканы на лисицу, на соболя. Если лисицы приходили прямо к деревне и за ними не надо было далеко ходить, то за сободем надо было забираться вглубь тайги. Охота на этого хитрого зверька требовала не только умения выследить его, но и большого терпения, предосторожности при подготовке капканов. Их надо было всякий раз тщательно очистить и после этого выварить в кипящем настое хвои, чтобы не осталось никаких посторонних запахов. Василь несколько

раз получал нагоняй от Баркова, когда, забывшись, брался за капкан голыми руками. У Пантелея для этого были специальные рукавицы, которые он надевал только при работе с капканами.

Хотя для охоты на соболя приходилось уходить далеко в тайгу, все равно каждый охотник держал в секрете места, где он ставил капканы. У каждого где-то в тайге была избушка-зимник, где и останавливались они на время промысла. Далеко в сопках была и у Пантелея Баркова маленькая избушка, срубленная Василем, а до этого жил Барков во время промысла в шалаше, обогреваясь костром. В первую же зиму, как взял Пантелей Василя с собой, и срубили они эту избушку, сложили в ней небольшую печку-каменку, натаскав гольшей из ручья, протекавшего рядом и замерзающего только в лютые зимы. Теперь у Пантелея было где и обогреться, и переночевать, и припасы, трофеи сложить.

Ходил Василь с Барковым в тайгу, учился охотничьему промыслу, но дальше этой заимки тот никогда его не водил, потому что там Пантелей ставил свои капканы. Василю же на будущее посоветовал попробовать ставить капканы за перевалом.

– Должно быть, хорошие места там, – говорил Пантелей. – Я сам уже давно поглядываю в ту сторону. Поставь там себе заимку, вот и будет твое место.

Пока жил Василь один, его охота особенно и не привлекала, но с Барковым все равно ходил на промысел каждую зиму, помогал ему во всем, запоминая все премудрости охотничьего дела. Научился Василь снимать шкурки с тушек зверей, обезжиривать их, тщательно просушивать, чтобы потом уже дома заняться выделкой их. А выделывать шкурки Барков научил так, что они становились мягкими и эластичными, и когда Пантелей возил их в город, чтобы сдать купцам-пушнякам, то они у него брали их без придинок и платили хорошие деньги.

В первую же зиму, как зажил Василь с семьей, решил он тоже заняться охотой. Купил себе ружье, припасов, капканы. В первую же ходку взял с собой Никиту как старшего. Загрузили они санки всем необходимым, встали на лыжи и пошли в лес. Санки тянули по очереди, перекинув длинную ляжку через плечо. Василь, конечно, мог бы и сам всю дорогу тащить эти санки, но он хотел, чтобы сын приучался ко всему, чтобы знал: это не прогулка по лесу, а нелегкий труд охотника-промысловика.

Как когда-то советовал ему Барков, решил Василь пойти за перевал. Путь неблизкий, зато там никого не должно быть. В первый день они дошли до Пантелеева зимовья. Переночевали там, а утром, как только рассвело, двинулись через сопки. Тяжело было по первому, еще рыхлому снегу подниматься вверх. Василь видел, что сын уже устал и еле передвигает ноги, но ни разу не пожаловался, не попросил сделать привал. «Упрямый, черт! – с гордостью подумал Василь. – Этот в жизни не пропадет». На самой вершине он остановился. Никита тоже встал рядом, тяжело дыша.

– Посмотри какая красота-то вокруг! – Василь повел рукой вокруг себя, показывая сыну заснеженные сопки, уходящие вдаль, в синюю морозную дымку – Земли сколько! Вот богатство-то! Живи и радуйся.

Осмотревшись сверху, Василь выбрал место, где будут ставить зимовье, и они стали спускаться на другую сторону перевала. Вниз дорога пошла легче, только санки теперь забегали вперед, и надо было их сдерживать, чтобы не укатились и не перевернулись. Никита раскраснелся от быстрой ходьбы, снял рукавицы, от его рук шел пар. Ему стало радостно от солнечного морозного дня, от той свободы, которую он почувствовал, стоя на вершине горы над всем этим лесным заснеженным простором.

Выбрав удобное место на берегу еще не замерзшего таежного ручья – его Василь сверху заметил – охотники разложили костер, заварили крепкий чай, достали припасы и плотно поели.

– Батько, а где мы ночевать будем? – допытывался Никита.

– Сначала сделаем небольшой шалаш, а с завтрашнего дня начнем рубить лес для избушки. Будем строить зимовье. – Он оглянулся и, выбрав место для шалаша, показал его Никите: – Расчисти здесь небольшую полянку от снега.

Срубив несколько тонких прямых деревьев, Василь сделал каркас, потом обложил его сверху сосновым лапником, и получился теплый, непродуваемый ветрами шалаш. Пол в шалаше тоже застелили толстым слоем лапника – вот и мягкая постель. Потом перенесли туда все вещи, вход закрыли пологом, взятым из дома. В шалаше стало тепло и уютно.

Пока обустраивались, стало темнеть. Василь подложил в костер дров, повесил чайник. Когда чайник закипел, он заварил чай, разлил по кружкам, достал кусок пирога, испеченного Марийкой им в дорогу, и уселся с сыном ужинать. Прихлебывая горячий чай, размечтался:

– Вот построим избушку и будем каждую зиму сюда приходить. Зверья здесь достаточно, я следов много видел. Завтра надо будет на приманку настрелять рябчиков или кого другого. Надо капканы ставить, что зря время терять. А как дом поставим, и для коня надо будет сарайку сделать, – размечтался Василь.

– Батько, для какого коня? – не понял Никита.

– Для нашего, сынку, для нашего. Я думаю, что к весне надо купить коня. Нам теперь без него не обойтись. Земли-то видел, сколько нам дали. Весной будем пахать, сеять, а как без коня? Тяжело будет. Заживем, сынку, хорошо, только работать надо, не лениться. Ну ладно, давай заканчивать чаевничать, пора спать. Завтра с утра за работу.

Василь положил в середину костра большую чурку, потом подгрел к ней уголья, чтобы костер не разгорался, но всю ночь тлел понемногу. Забравшись в шалаш, они с сыном прижались друг к другу и укрылись сверху одеялом. Никита долго не мог заснуть, прислушиваясь к шуму верхового ветра, к каждому шороху.

– Батько, – шепотом позвал он, – а звери здесь есть?

– Есть, конечно, но они сейчас тоже спят и не шастают по ночам.

– А если какой-то не спит и придет к нам? – допытывался Никита

– А у нас костер потихоньку горит. Звери огня боятся и не подойдут.

– Батько, а ружье ты приготовил?

– Ну конечно, вот оно рядом со мной, так что спи спокойно.

Утомленный дневным переходом, Никита крепко заснул, а Василь спал чутко, просыпаясь от каждого шороха и прислушиваясь к каждому постороннему шуму. «Надо срочно избушку делать», – думал он, снова засыпая.

Как только чуть-чуть забрезжил рассвет и первые лучи света стали пробиваться сквозь частокол густых деревьев, Василь проснулся и осторожно, чтобы не разбудить сына, вылез из шалаша. Костер давно прогорел и потух. Василь набрал сухих веточек, сложил шалашиком, внутрь положил сухой мох и поджег. Когда ветки стали разгораться, он подложил дров, припасенных с вечера, и, подождав, когда огонь занялся в полную силу, взял чайник, пошел к ручью. Осторожно ступая в рыхлый снег на берегу, чтобы не провалиться, он подошел поближе к воде. Весело журча в лесной тиши, ручей бежал по каменистой россыпи, состоящей из мелкой гальки и более крупных валунов, раскиданных вдоль его берегов. Василь присмотрелся, поковырял палкой дно ручья и увидел, что оно песчано-глинистое, как раз то, что ему и надо было. «Пока мороз не ударил, надо глины набрать да камней для печки», – подумал он. Набрав воды, он вернулся к костру, повесил чайник и полез в шалаш, чтобы достать что-нибудь съестного. Никита уже проснулся, но не хотел вылезать из-под одеяла.

– Кончай ночевать! – Василь весело потряс его. – А ну-ка, сынку, вылазь да пробежись немного, будем чай пить и за дело.

После завтрака, взяв топоры да ружье, они отошли подальше от шалаша. Василь посматривал на стройные сосны, все не решаясь, которую из них первой срубить для избушки. Пока

выбирали деревья для рубки, вспугнули двух рябчиков. Вскинув ружье, Василь влет подстрелил одного из них.

– Ну вот, это нам на приманку пойдет.

Василь показал сыну, как подрубать дерево, с какой стороны валить его.

– Давай, сынку, с Богом! Руби это дерево, а я отойду подальше, другое буду валить.

Вскоре в утренней тишине леса застучали два топора. Целый день они валили деревья, обрубали сучья, вдвоем подтаскивали их к площадке, заранее очищенной от снега. Потом вместе, весело переговариваясь, шкурили их. Пока рубили лес, вспугнули еще несколько рябчиков, подстрелив их. Теперь можно было идти ставить капканы. Отложив это на завтра, решили к концу дня положить окладный венец. Заготовили лежки из комлей деревьев, выбрали бревна потолще и, только уложив нижний венец, присели отдохнуть и поесть.

Переночевали опять в шалаше. Никита, утомившись за день, уснул сразу. Василь, довольный проделанной работой, жалел только о том, что дни стали совсем короткие. Немного поворочавшись, тоже вскоре заснул.

Наутро, взяв капканы, рябчиков на приманку, они пошли по распадку подальше от своей стоянки. Василь по пути показывал Никите различные следы на снегу, учил его, как различать их, как прочесть по следам, что зверь задумал, где он просто «крутил петли», а где его истинный след, по которому надо идти.

Поставив несколько капканов на соболиных тропах и замаскировав их, Василь развесил приманку чуть позади капканов. Затем, повернув назад, они замели свои следы и ушли. На обратном пути собирали мох с деревьев, утрамбовав его в мешки. Остаток дня занимались постройкой дома. Никита, уже немного освоивший плотницкую науку, теперь во всем помогал отцу на равных: сам подрубал пазы, готовил шипы. Василь только следил, чтобы все было правильно сделано, и потихоньку довольно посмеивался, видя, как сын с интересом и любовью орудовал топором. Углы рубили в «обло», чтобы не продувало, сразу прокладывая пазы мхом, венцы ставили на шипы – словом, делали все добротнo и крепко. К концу дня уже были уложены несколько венцов.

На следующий день, с утра, проверив капканы, Василь принес первую добычу: двух соболей и большую рыжую лисицу. Сняв шкурки, он зачистил их и подвесил сушиться. Первые охотничьи трофеи, добытые им самостоятельно, вселили в него веру в успех всех дел, задуманных им. А задумал он ни мало ни много, а быть хозяином на своей земле. Глядя на зажиточных односельчан, Василь видел, что только каждодневным трудом можно добиться всего, что захочешь. Его не смущало, что он еще долгие годы будет считаться ссыльным и не сможет выезжать далеко от села, к которому приписан. Самое главное – то, что теперь с ним была Марийка, а с такими помощниками, как его сыновья, он и горы своротит.

Через день Василь, проверяя капканы, подстрелил большого лося. Разделав его, они с Никитой на санках привезли мясо к своему зимовью и, заморозив его, подвесили на деревьях, повыше от зверья. Теперь едой они обеспечили себя надолго. Потроха Василь пустил на приманку для соболей. Прошло несколько дней, пока они достроили домик и переселились в него из шалаша. Внутри сложили печь-каменку, топившуюся по-черному, и стало там хоть и дымно, но тепло.

– Ничего, сынку, на следующий год печь перекладем, сделаем с трубой, как положено быть, – размечтался Василь. – Да и избушку огородить надо будет от зверья всякого.

– Батя, а мы на следующий раз Матюшу возьмем с собой?

– Конечно, пусть тоже приучается. Вот подождите немного, я вам еще и ружья куплю.

– Настоящие?! – Глаза Никиты загорелись радостным блеском.

– Ну, конечно, настоящие. – Василь рассмеялся. – Будете сами охотиться. Погоди, сынку, заживем скоро не хуже того пана. Все у нас будет. Только трудиться надо, ленью ничего не добудешь. Конечно, можно зиму и дома на печи просидеть, а можно и в тайгу пойти, поохо-

тяться. Вот шкурки сдадим – и деньги будут, коня купим. Без коня нам теперь не обойтись. Весной поле свое вспашем, хлеб поседем, а будет урожай хороший, значит, и доход будет. Тут, сынку, как ни крути, а хочешь хорошо жить, то надо круглый год работать.

Прошло еще несколько дней, и Василь с сыном засобирались домой. Возвращались той же дорогой, через заимку Баркова. Тянули по очереди санки, груженные мясом сохатого да двух коз, подстреленных Василем перед самым уходом. Василь видел, что за эти дни сын как-то повзрослел, окреп, даже рассуждать стал, как взрослый. Подходя к заимке Баркова, Василь издали увидел дымок, вьющийся над домиком.

– Вот и Пантелей Кузьмич тоже промышляет. Здесь мы немного отдохнем, а завтра с утра домой пойдем.

Не доходя до заимки, они увидели, как к ним навстречу выскочила собака Барковых – лайка Ночка. Звонко залаяв, она подбежала к ним и, узнав Василя с Никитой, весело замахала хвостом, повернула назад. Из домика вышла Тайка и остановилась, всматриваясь, кто это подходит. Узнав Никиту с отцом, она радостно заулыбалась и пошла навстречу.

– Ну, здравствуй, Тайка. – Василь поздоровался с ней, как со взрослой. – Где отец-то, промышляет?

– Ушел капканы проверять. Да вы проходите в дом, погрейтесь. Скоро отец придет, – сдержанно ответила Тайка, а сама, сверкая глазами, радостно поглядывала на Никиту.

Никита хоть и обрадовался встрече, но, сдерживая свои чувства, степенно, как и подобает таежнику, подошел к ней. Тайка ему раньше рассказывала, что отец берет ее на охоту, но он не очень-то и верил этому, думал, что сочиняет девчонка, покрасоваться хочет, привирает, а оказывается, она не врала. Ему стало совестно за свои мысли. Никита неловко потоптался на месте и сказал:

– А я вот тоже с батькой промышлять ходил.

Поставив сани, Василь, обметав с обуви снег голиком, стоящим у двери, вошел в дом. Никита с Тайкой остались стоять во дворе, радостно поглядывая друг на друга.

– Вы уже домой идете? – спросила Тайка. – Никита кивнул. – А где промышляли?

– Вон, за перевалом. – Никита махнул рукой в сторону сопки, с которых они только что спустились.

– А где вы там жили? Что, все это время на снегу спали? – Тайка с удивлением смотрела на Никиту.

– Зачем на снегу, мы с батькой дом построили, – ответил он с гордостью, зная, что и он причастен к этому делу.

– Вот посмотреть бы. – Тайка перевела взгляд на сопки, манящие своей таинственной синевою. – Никита, а ты меня когда-нибудь сводишь туда? – попросила она.

– Конечно, свожу.

– Правда?!

– Ну, я же сказал, значит, свожу, – твердо ответил ей Никита.

– А мне отец запретил всем говорить, где у нас заимка.

– Но моему-то батьке он сам показал, они же друзья, значит, и я тебе потом покажу нашу заимку, мы ведь тоже с тобой друзья.

Неожиданно Ночка залилась радостным лаем и побежала куда-то.

– Отец идет, – обрадовалась Тайка. – Ночка всегда его так встречает.

Вскоре они все вчетвером сидели в теплом домике и ужинали. Тайка приготовила пшеничную кашу, заправленную большими кусками мяса дикого кабана. Пантелей Кузьмич расспрашивал Василя о первом промысле: как устроились, как удача, не обошла стороной?

После ужина Барков с Тайкой взялся зачищать принесенные шкурки, Василь с Никитой стали помогать им. Быстро все переделав, мужики перекурили и сели еще чаевничать, а Тайка потянула Никиту.

– Пойдем, выйдем, что в избе сидеть-то.

Увидев, что они засобирались, Барков предупредил:

– Далеко не отходите. Я уже который день следы волчьи вижу.

– Ладно, тять, мы здесь, у заимки, походим, – успокоила его Тайка.

Одевшись, Никита с Тайкой вышли во двор. Пока ужинали да занимались шкурками, стало уже темно. В тайге ночь наступает быстро и как-то неожиданно. Только-только стало смеркаться, и вдруг резко наступила темнота, все притихло, только слышно потрескивание деревьев от мороза да скрип снега под ногами. Эта таинственная тишина и темнота не пугали ребят. Они вышли за ворота и потихоньку стали бродить недалеко от заимки. Верная Ночка вертелась возле них, готовая учуять любой посторонний шум или запах. Никита с восторгом рассказывал Тайке о своем первом походе в зимний лес, о первом промысле, о том, как они с отцом строили дом.

– А знаешь, Тайка, если подняться на те сопки, – он показал рукой в сторону перевала, за которым они были, – там, сверху, такая красотища! Станешь на самой вершине и смотришь вдаль, а там сопки, сопки, как волны, уходят далеко-далеко. Мне даже захотелось, как птице, подняться еще выше и полететь за те дальние сопки, посмотреть, что там за ними. Может, край земли? Мы когда с мамкой ехали сюда, то все говорили, что на край земли едем. А это правда, что здесь где-то край земли?

– Не знаю. – Тайка пожала плечами. – Говорят, он дальше, край земли-то, а за ним море-океан, большое-большое, земли не видать.

– Слышь, Тайка, а давай, когда вырастем, дойдем до края земли, так хочется увидеть его.

– Давай, Никита. С тобой можно пойти, ты не побоишься.

Увлеченные своими наивными мечтами, они еще долго бродили вокруг зимовья. Уже и Ночка поскуливала, хотела уйти, но не могла без разрешения, а они все ходили и говорили, говорили. Потом Тайкин отец вышел из дома и крикнул их, чтобы шли спать.

– Вы еще долго пробудете здесь? – спросил Никита.

– Отец говорит, еще с неделю.

– А мы завтра уже домой идем. Батько сказал, что на первый раз хватит.

Наутро, как только начало светать, Василь поднялся сам и разбудил Никиту. Проснулись и Тайка с отцом. Быстро растопив печь и закипятив чайник, Тайка по-хозяйски покормила всех, потом вышла проводить Никиту с отцом. Выйдя со двора, они встали на лыжи, Василь перекинул ляжку санок через плечо, ружье отдал Никите, тот с достоинством закинул его за спину и, попрощавшись, пошли по скрипучему утреннему снегу. Отойдя от зимовья, Никита оглянулся и помахал Тайке рукой. Она тоже махнула ему. Потом он еще несколько раз оглянулся, она все стояла и смотрела им вслед, пока они не скрылись за деревьями.

Марийка еле дождалась, когда муж с сыном вернутся из тайги. Все дни, пока их не было, она молилась Богу, чтобы ничего с ними не случилось. Ей уже казалось, что Василя с Никитой не было целую вечность. Она сама первый раз видела столько снега и впервые в жизни ощутила, что такое настоящий мороз, когда стынет все: и лицо, и руки, и ноги. А каково им там, в лесу, ведь и укрыться-то негде. Уже в который раз она жалела, что отпустила их, особенно Никиту. Для него ведь это тоже первая зима. И только дела по хозяйству немного отвлекали ее от черных мыслей. Матвейка помогал ей во всем. Он помнил наказ отца и поэтому с раннего утра уже сам находил себе работу, не дожидаясь, пока мать скажет ему, что делать. Сам почистит в стайке у коровы, сам задаст сена, вынесет пойло, занесет дров в дом, потом наносит воды полную кадку, словом, весь день в заботах, так что и про гулянье забыл. Марийка, глядя на него, не могла нарадоваться: сыновья растут трудолюбивыми, не отлынивают ни от какой работы по хозяйству. Так проходили дни, а по вечерам, ложась спать, она долго не могла заснуть, вглядываясь в морозное окно, и все думала о Василе и Никите. Как они там?

А они вернулись веселыми и радостными. Марийка, не стесняясь детей, кинулась мужу на грудь и расплакалась. Он обнял ее, успокоил:

– Да что ты? Все хорошо. Что ты плачешь?

– Испереживалась я вся, Василию, вот и расплакалась.

Никита подошел к матери и неловко обнял ее.

– Что ты, мама? У нас все хорошо, вон целые санки пушнины привезли.

– Ох, охотнички вы мои, раздевайтесь, сейчас кормить вас буду.

– Подожди кормить. Баньку бы нам сперва, а уж потом за стол. Ну-ка, Матюша, пойди, растопи баньку.

Матвейка с Никитой выскочили из дома и побежали топить баню. Василь устало присел, посмотрел на Марийку.

– Ну, как вы тут без нас жили? Как с хозяйством управлялись?

– Ой, Василию, так с нашим Матюшай можно оставаться. Он же мне и делать-то ничего не давал. Я только корову подою да обед сварю, а все остальное он сам. Хорошие у нас сыны. – Марийка прильнула к мужу. – Я соскучилась по тебе, Василию, а тебя все нет и нет.

Василь ласково обнял жену и крепко прижал к себе.

– Это тебе спасибо за сынов, что вырастила их такими. Когда меня угнали, они же еще совсем малыми были. Знаешь, я когда был один эти шесть лет, все думал, какими они вырастут, наши сыновья. Все боялся, что ты изнежишь их, без отца ведь росли.

– Ну и как? – Марийка хитро посмотрела ему в глаза.

– Молодец ты у меня, хороших сынов воспитала. Никита вон уже настоящим охотником стал. Уже сам и капканы ставит, и шкурки снимать научился. А на лыжах знаешь, как бегают? Я за ним не угонюсь.

Вскоре прибежал Матвейка.

– Батько, мама, идите в баню, а мы с Никитой потом, после вас.

– Ну, пойдём, раз сын зовет. – Василь поднялся, Марийка за ним. Он обнял ее, в порыве чувств поднял на руки и, восторженно глядя ей в глаза, сказал: – Если бы ты знала, как я сейчас счастлив.

10

Богата Приамурская земля. Много народа переселилось на берега Амура и Зеи, в приамурские леса и степи. Кого-то привезли сюда принудительно для отбывания каторги и ссылки, а кто-то ехал в эти края в поисках лучшей жизни. Отбывшие срок наказания оставались на Приамурской земле на правах ссыльнопоселенцев и через некоторое время переводились в разряд вольных поселенцев, имея возможность приписаться к крестьянским обществам, получая при этом земельный надел. Обжившись на новых землях, многие пускали корни и оставались здесь жить навсегда, не думая о возвращении.

Кроме ссыльных и каторжан ехал на Дальний Восток народ с России, Украины и Белоруссии по вольному найму. Неприветливо встречала переселенцев суровая и дикая Приамурская земля. Много сил надо было приложить, чтобы она стала землей-матерью, землей-кормилицей. Но не все переселенцы ехали с надеждой на лучшую жизнь. Кто-то ехал и в поисках легкой жизни, ожидая, что их здесь ждут молочные реки и кисельные берега.

Дугины так и не обзавелись своим хозяйством. Лишившись надела, они продолжали жить тем, что зарабатывали по найму у зажиточных крестьян. Глава семейства Митрофан Дугин долгое время мотался в город на сезонные заработки. Каждый раз, возвращаясь, устраивал пышное застолье, собирая всех пьяниц и бездельников. Пьянка эта продолжалась по несколько

дней, пока Митрофан не спускал все, что заработал. Потом ему каждый день надо было опохмелиться, и так продолжалось до следующей ходки на заработки.

Как-то староста пытался усюветить Митрофана. Зайдя во двор Дугиных, Пров Емельянович осуждающе покачал головой. Со всех дыр и щелей сквозило убожеством и неухоженностью. Заходить в дом, откуда доносились пьяные голоса, он не стал, а попросил выглянувшего Николку позвать отца. Ждал долго. Наконец на шаткое крыльцо, покачиваясь, вышел Митрофан и, увидав старосту, пьяно ослабился, развязно поклонившись, пригласил его в дом:

– Заходи, Пров Емельянович, гостем будешь!

– И долго ты, Митрофан, будешь еще пить-гулять? Полсела вон споил. Не надоело еще?

– А я на свои гуляю! Заработал, не украл!

– И не стыдно тебе? Здоровый мужик, работающий, не спорю, но ведь сына-то не приучил к труду. Ты посмотри, как ты живешь? Ни хозяйства, ни добра – все пропиваешь. Дом скоро завалится, а тебе и дела нет до того.

Хозяйства, кроме рыжей дворняги и облезлого кота, Дугины так и не завели. Дом без ухода и ремонта покосился и стал похож на своего пьяного хозяина. Крыша прохудилась в нескольких местах, и в дождливую погоду капало с потолка. Николка несколько раз лазил на крышу, что-то там чинил, латал, но вскоре и ему это надоело. Так и жили, подставляя тазы да ушаты под домашнюю капель.

Митрофан однажды не вернулся из своих походов на заработки, сгинул где-то и больше о нем не было ни слуху ни духу. Пелагея с Николкой так и работали то у одного хозяина, то у другого, лишь бы прокормиться, а заводить свое хозяйство Николке не хотелось. Он жил одним днем, не думая о будущем. Как и его отец, Николка проводил все свободное время в праздности да гулянках. Научился хорошо бренчать на балалайке и стал первым заводилой на всех вечерних посиделках. А языком «бренчал» не хуже своей балалайки, но все равно девчата его все-ррез не воспринимали. Но вдруг неожиданно Николка женился. В жены взял дочку такого же безземельного сельчанина Харитона Палкина. Лизе Палкиной в ту пору только-только исполнилось шестнадцать лет, но прошел слушок, что беременная она от Николки. Чтобы прикрыть позор, родители Лизы настояли, чтобы женила Пелагея своего сына-распутника на их дочери. Быстро сыграли свадьбу, и привел Николка в дом молодую жену, а вскоре и сын родился у них, Константином назвали.

Часть 2

Сыновья

1

Семнадцатый год пришел в Приамурье морозным и снежным. В Семиозерках все дома засыпало толстым слоем мягкого, пушистого снега. Казалось, село замерло и спит под этим белым, теплым одеялом, но с рассветом выходили люди, разгребали насыпавшиеся за ночь сугробы, протаптывали тропинки. Лошади, взрывая копытами рыхлый слой снежного покрывала, легко, без натуги, таща за собой сани-розвальни, прокладывали тянущуюся из-под широких полозьев колею. И вновь в селе все оживало, суетилось, принося каждый день новые заботы и хлопоты. Все шло своим чередом, и казалось, ничто не изменит мирную жизнь далекого приамурского села.

Где-то уже гроыхала мировая война, и Василь Петрович с Марийкой с тревогой посматривали на сыновей, ожидая, что вот-вот их заберут на службу и погонят на войну, как многих других парней из их села. На некоторых уже пришло извещение о смерти, горе поселилось во многие дома, но Никиту и Матвея пока не трогали.

А парни выросли на загляденье. Высокие, статные, широкоплечие с русыми чубами над открытыми крестьянскими лицами. Только по характеру были разными, как небо и земля. Если Никита был спокойный и рассудительный, то Матвей, в противоположность ему, вспыльчив и несдержан в своих делах и словах, за что частенько ссорился и дрался с сельскими парнями. Никита же любую ссору старался замирить и уладить. Но между собой жили очень дружно, никогда не ссорились, уступая друг другу. Дома по хозяйству были первыми помощниками родителям.

Хозяйство у Макиенков к тому времени было уже немалое. Кроме поля, где выращивали хлеб, был у них большой огород, который Василий Петрович с сыновьями распахал вдоль балки и выращивал там все овощи, какие только росли в этих краях. Возле дома Василий Петрович развел сад. Ему всегда хотелось иметь дом с садочком, чтобы выйти вечером и подышать свежим воздухом, напоенным ароматом яблок и груш. Конечно, это были не те яблоки и груши, что у них на Херсонщине, но постепенно они привыкли к дальневосточным фруктам и выращивали их столько, что заготавливали на зиму, делали «сушку» для компотов и кое-что даже вывозили на продажу. Держали Макиенки к тому времени двух коров, несколько поросят, птицу разную: кур, гусей уток. Но самое главное – теперь у них были свои лошади: гнедой жеребец Черныш и рыжая кобыла Карька. Целые хоромы выстроил им Василий Петрович. Только заимев коней, он почувствовал, что стал настоящим хозяином. Наконец-то исполнилась его мечта: он работает на своем поле, у него свое хозяйство, налоги платит исправно и еще доход кое-какой имеет.

Первое время никак не могли Василий Петрович с Марийкой привыкнуть к приамурскому климату, когда до середины лета на полях все высыхает без дождей, а потом все заливают ливневыми потоками. Как сохранить посевы до дождей, не дать погибнуть под палящими лучами солнца, как и чем напоить растрескавшуюся от постоянной жары землю?

Совсем отчаялся Василий Петрович, когда в первый год большая половина посевов погибла от засухи. Кто жил у озер, у тех была вода для полива, а много ли натаскаешь воды из почти пересыхающего в эти жаркие дни ручейка? Но заметил он, что даже в самую жару ручей

все равно не пересох до конца, видно, подпитывался он подземными ключами со дна озера, из которого вытекал. Вырыл Василий Петрович небольшой приямок прямо в русле ручья, и стал он наполняться водой. Сколько за день вытаскают они воды на огород, столько за ночь и наберется. Это немного приободрило его, а уж как пошли дожди и забурлила вода в ручье, разлившимся размером до небольшой речки, вот тут и пришла к нему мысль о запруде, чтобы задержать этот поток воды, не дать уйти всему.

Долго он выбирал место, продумывая, как построить запруду, как укрепить ее, чтобы сдерживать большой напор воды. Продумал и то, как сбрасывать лишнюю воду во время половодья. Не знал Василий Петрович ни правил постройки плотин, ни расчетов, а умом крестьянским все определил да прикинул, какой высоты и толщины надо запруду делать, какой затвор поставить для сброса лишней воды. Даже прикинул примерно, на сколько вода поднимется, и выходил у него из этого большой прок, потому что не только он один, но и полсела могли бы пользоваться тогда этой водой, все, кто жил неподалеку от балки.

Незаметно за трудами и заботами подошла осень. Закончили с уборкой небольшого пока урожая, часть которого теперь надо было сдать за налоги, часть оставить себе, намолоть муки, а что-то и оставить на семена на будущий год. Овощи с огорода заложили в подполье, засыпав картошки, засолив на зиму бочонок огурцов да капусты заквасили. Конечно, на будущее Василий Петрович мечтал вырыть большой погреб во дворе, чтобы были там запасы всего на весь год, а не только на зиму.

Закончив со всеми осенними делами, пошел Василий Петрович к старосте посоветоваться насчет запруды. Пров Емельянович, узнав, зачем пришел к нему Василий Петрович, провел в дом, усадил его и внимательно выслушал. Дорохову нравился этот ссыльный. Он видел в нем крестьянскую хватку, видел, что Макиенко обосновался в Семиозерках не на время, а основательно, навсегда, по-хозяйски. Сейчас он сосредоточенно слушал его, вникая во все тонкости, что тот рассказывал ему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.